
НАРКОМАТЫ ОБОРОНЫ И ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА В СИСТЕМЕ ОРГАНОВ СТРАТЕГИЧЕСКОГО РУКОВОДСТВА ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ

Развитие системы органов военного управления родами войск и служб Наркомата обороны

В связи с непосредственной угрозой нападения Германии и ее сателлитов на Советский Союз была проведена коренная перестройка системы управления Вооруженными силами СССР путем увеличения их численного и боевого состава, а также усложнения и расширения объема задач по руководству войсками в 1939–1941 гг.

Советско-финляндская война 1939–1940 гг. обнажила многие слабые стороны подготовки Красной армии к войне, в том числе и в управлении войсками. «Существующая громоздкая организация центрального аппарата, — отмечалось в Акте о приеме Народного комиссариата обороны, — при недостаточно четком распределении функций между управлениями не обеспечивает успешное и быстрое выполнение задач, возлагаемых на Наркомат обороны, по-новому поставленных современной войной. Эти недостатки в руководстве и подготовке войск при наличии молодых и недостаточно опытных кадров привели к отставанию в ряде вопросов подготовки армии к войне»¹.

На повестку дня был поставлен вопрос о необходимости срочной реорганизации управленческого аппарата Народного комиссариата обороны и прежде всего Генерального штаба Красной армии, главных и центральных управлений НКО. С изданием приказов НКО № 0037 от 26 июля 1940 г. «О структуре Наркомата обороны» и № 0038 «О составе Генерального штаба Красной армии»² началась реорганизация центрального аппарата, окружного и армейского звеньев управления войсками, которая так и не завершилась к 22 июня 1941 г.

Высшими органами военного управления являлись Генеральный штаб Красной армии и управления. В целях эффективного оперативно-стратегического руководства войсками в составе НКО были образованы шесть главных управлений Красной армии: политической пропаганды, военно-воздушных сил, артиллерийское, автобронетанковых войск, военно-

инженерное и интендантское, а также 11 управлений Красной армии: боевой подготовки, противовоздушной обороны (ПВО), связи, военно-химической защиты, снабжения горючим, высших военно-учебных заведений, военно-учебных заведений, кадров, санитарное, ветеринарное, управление делами при народном комиссаре обороны³.

В течение следующего года структура НКО подверглась изменениям — управление ПВО приказом НКО № 0367 от 27 декабря 1940 г. было преобразовано в Главное управление противовоздушной обороны Красной армии⁴. 13 февраля 1941 г. приказом НКО № 0011 при Народном комиссариате обороны было сформировано 3-е управление, на которое возлагались задачи борьбы «с контрреволюцией, шпионажем, диверсией, вредительством и всякого рода антисоветскими проявлениями в Красной армии; выявление и информирование командования соединений и частей Красной армии о всех недочетах в состоянии частей армии и о всех имеющихся компрометирующих материалах и сведениях на военнослужащих Красной армии»⁵. С изменением организационной структуры центральных органов НКО приказом № 0184 от 13 августа 1940 г. были реорганизованы управления военных округов, структура которых строилась по аналогии с центральными органам, но штатная численность личного состава для каждого округа была своя⁶.

В соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 8 марта 1941 г. общее руководство Красной армией народный комиссар обороны осуществлял через непосредственных заместителей, Генеральный штаб и систему главных и центральных управлений Красной армии. Все управления НКО согласно приказу № 0113 от 15 марта 1941 г. распределялись между заместителями народного комиссара обороны⁷. Однако опыт войны показал, что такой порядок подчинения неприемлем, так как начальники главных управлений в период войны сами были в ранге заместителей наркома обороны по своему роду войск. Основными рабочими органами по боевому применению родов войск Красной армии стали военные советы и штабы главных управлений, которые при выполнении своих функций тесно взаимодействовали с Генеральным штабом и другими управлениями Наркомата обороны, ибо от этого зависел успех их работы и деятельность Ставки Главного командования⁸ как главного органа управления Вооруженными силами Советского Союза.

Важнейшим направлением работы с начала войны всех органов руководства государства и Народного комиссариата обороны СССР было стратегическое развертывание вооруженных сил, усиление их боевой мощи, создание новых воинских формирований. Необходимо было непрерывно наращивать силы действующей армии.

В первые дни войны главным органом руководства по формированию и укомплектованию войск являлась Ставка Главного командования. Ее основным рабочим органом стал Генеральный штаб с его Мобилизационным управлением и Управлением укомплектования. Отмобилизовать войска первого стратегического эшелона практически не удалось, что имело негативные последствия. Да и у органов руководства отсутствовал реальный план стратегического развертывания вооруженных сил в обстановке столь мощного, стремительного наступления вермахта. Тем не менее людские ресурсы СССР дали возможность наращивать силы Красной армии. К 1 июля 1941 г. более 5 млн человек были призваны в вооруженные силы. Ежемесячно действующая армия получала не менее 500 тыс. человек маршевого пополнения⁹.

Первые 13 стрелковых дивизий начали формировать по решению СГК директивами начальника Генерального штаба от 27 и 28 июня 1941 г., однако к установленным срокам подготовить и отправить их на фронт не удалось из-за трудностей с укомплектованием личным составом и особенно в связи с нехваткой вооружения и материальных средств. Формирование 10 стрелковых и пяти моторизованных дивизий директивой Ставки от 30 июня 1941 г. было возложено на наркома внутренних дел СССР. Ответственным за формирование стрелковых дивизий 30-го и 33-го корпусов постановлением ГКО № 32 от 6 июля 1941 г. был назначен начальник Управления кадров Красной армии армейский комиссар 1 ранга Е. А. Щаденко¹⁰.

Для оперативного решения этой важной проблемы при Наркомате обороны постановлением ГКО № 97 от 11 июля 1941 г. была создана специальная группа по формированию

новых стрелковых и танковых дивизий, противотанковых и других артиллерийских полков, в которую входили Маршалы Советского Союза Г. И. Кулик (начальник группы), Б. М. Шапошников и генерал-лейтенант Я. Н. Федоренко¹¹. Первый опыт формирования новых соединений Красной армии и подготовки маршевого пополнения для действующей армии показал необходимость внесения существенных корректив прежде всего в руководство процессом подготовки резервов. Формирование новых соединений импровизированными командами не способствовало решению проблемы.

Государственный Комитет Оборона выразил неудовлетворение деятельностью Генерального штаба и его руководства. Постановлением ГКО от 28 июля 1941 г. «Об улучшении работы Генерального штаба Красной армии и центральных управлений Народного комиссариата обороны» функции мобилизации и формирования резервов, а также организации войск с Генерального штаба были сняты¹². Произошла и смена начальников Генерального штаба: постановлением ГКО от 29 июля 1941 г. вместо генерала армии Г. К. Жукова был назначен заместитель наркома обороны Маршал Советского Союза Б. М. Шапошников¹³.

Главное управление формирования и укомплектования войск Красной армии (Главупраформ). В целях улучшения формирования и укомплектования войск приказом НКО от 29 июля 1941 г. было создано Главное управление формирования и укомплектования войск Красной армии. Оно являлось центральным органом Наркомата обороны и подчинялось непосредственно наркому обороны. Возглавил это управление заместитель народного комиссара обороны Маршал Советского Союза Г. И. Кулик, а его заместителем стал армейский комиссар 1 ранга Е. А. Щаденко¹⁴. Органы формирования и укомплектования войск были созданы в Военно-воздушных силах, артиллерии, автобронетанковых войсках и специальных родах войск и служб.

На Главупраформ возлагались следующие задачи: разработка мероприятий по развитию Красной армии; формирование войсковых частей; укомплектование Красной армии военнобязанными младшего начальствующего и рядового состава, конским составом, обозом, упряжью и мехтранспортом из народного хозяйства; руководство запасными и караульными частями Красной армии и организация отправки пополнения в действующую армию; руководство боевой подготовкой пехотных и воздушно-десантных частей; определение потребности вооружения, боевой техники и материально-технических средств на новые формирования, запасные части и маршевые пополнения.

В целях активизации руководства Главупраформа постановлениями ГКО «О помощи Главному управлению формирования и укомплектования войск Красной армии» уполномоченными ГКО для участия в работе управления были назначены Л. П. Берия и Г. М. Маленков¹⁵. Первыми результатами их работы стало постановление ГКО № 411 об освобождении от должности Г. И. Кулика «ввиду неудовлетворительности его работы на этом посту» и назначение начальником Главупраформа — заместителем наркома обороны армейского комиссара 1 ранга (с декабря 1942 г. — генерал-полковник) Е. А. Щаденко¹⁶. Заместителем начальника Главупраформа был назначен генерал-майор Г. Я. Беляков.

Новым «Положением о Главном управлении формирования и укомплектования войск Красной армии», утвержденным И. В. Сталиным 9 августа 1941 г., задачи и состав управления были значительно расширены. На него возлагались обязанности по формированию не только частей всех родов войск, но и соединений (кроме авиационных, бронетанковых, мотоциклетных и моторизованных)¹⁷. Структура Главупраформа включала управления: организационно-штатное (генерал Н. И. Четвериков), укомплектования и службы войск (генерал Н. Л. Никитин), по формированию частей Красной армии (полковник Ф. И. Вахитов), запасных и караульных частей (генерал С. Н. Красильников), а также отдел вооружения и снабжения. Вводились новые отделы: инспектирования формирований, политический, учета персональных потерь и бюро писем¹⁸.

Приказом НКО от 20 августа 1941 г. уточнялись функции Главупраформа по формированию частей и соединений и порядок сдачи их фронтам и армиям¹⁹. Наивысший темп формирования был достигнут в летне-осенней кампании 1941 г., когда ежемесячно созда-

валось 70 расчетных стрелковых дивизий и, кроме того, в составе маршевых подразделений (рот, батальонов) отправлялись в действующую армию свыше 300–350 тыс. человек. С июля по декабрь 1941 г. было вновь сформировано или переформировано из соединений других родов войск 308 стрелковых дивизий, в том числе 24 дивизии народного ополчения. В действующую армию были направлены 2246 тыс. человек маршевого пополнения²⁰. Ввиду сложности и длительности формирования дивизий, осенью 1941 г. стали создаваться стрелковые бригады, которых к концу декабря насчитывалось 159, отдельные стрелковые полки, лыжные батальоны. Это была вынужденная, временная мера.

В развитие «Положения о Главупраформе» ГКО 13 августа 1941 г. принял постановление «О запасных частях и маршевых батальонах». В нем от начальника Главупраформа требовалось «соблюдать, как минимум, полутора-двухмесячный срок обучения для необученных контингентов, а для младшего комсостава, как минимум, трехмесячный срок обучения»²¹. Реально эти сроки не выполнялись, и в результате пополнение поступало слабо подготовленным, что вызывало нарекания со стороны командования действующей армии. В соответствии с планом по развертыванию запасных частей и формированию маршевых батальонов требовалось до 31 декабря 1941 г. сформировать 2 тыс. маршевых батальонов численностью 2 млн человек, из них не менее 750 тыс. вооруженных. При этом общую численность переменного состава сформированных запасных частей к 15 августа 1941 г. предстояло довести минимум до 700 тыс. человек, а к 1 сентября сформировать 19 новых запасных стрелковых бригад, восемь запасных кавалерийских полков, пять запасных инженерных полков, четыре запасных понтонно-мостовых батальона, восемь запасных зенитных артиллерийских полков, пять запасных зенитных пулеметных батальонов, три запасных минометных батальона, шесть запасных батальонов противохимической обороны (ПХО) и пять запасных батальонов воздушного наблюдения, оповещения и связи (ВНОС)²².

Значительным подспорьем в деле усиления боеспособности соединений и частей, а также восполнения потерь действующей армии было решение СНК, объявленное приказом Ставки ВГК от 9 февраля 1942 г., о предоставлении права военным советам фронтов и армий проводить мобилизацию граждан СССР в возрасте от 17 до 45 лет непосредственно в районах боевых действий на освобождаемой территории²³. Это мероприятие имело особое значение в период битвы под Москвой, когда часть армий Западного и Калининского фронтов находилась в окружении, и поставка пополнения в них была затруднена. В последующие годы войны такой метод комплектования Красной армии себя оправдал, но качество подготовки пополнения было низким.

С началом войны перед советским командованием встала проблема подготовки младшего командного состава (сержантов)²⁴ стрелковых войск. Соединения и части, как правило, комплектовались сержантским составом из числа солдат, получивших соответствующую подготовку в учебных частях и подразделениях. Поэтому приказом НКО от 20 августа 1942 г. в составе Главупраформа было сформировано Управление по подготовке младшего командного состава стрелковых войск²⁵.

С наступлением зимы перед командованием встала проблема подготовки лыжных батальонов. Государственный Комитет Обороны 2 сентября 1941 г. постановил сформировать 67 запасных лыжных полков. Готовность лыжных частей к отправке на фронт определялась к 1 декабря 1941 г.²⁶ В ходе войны аналогичные постановления издавались накануне каждой зимы. В соответствии с постановлением ГКО № 614 от 2 сентября 1941 г. было организовано Управление лыжной, горной и физической подготовки Красной армии²⁷.

Совершенствование организационной структуры Главупраформа продолжалось и в последующем. Приказом НКО от 23 ноября 1941 г. в его состав вошло Управление боевой подготовки Красной армии, являвшееся центральным органом по руководству обучением стрелковых войск²⁸. В дальнейшем приказом НКО от 3 января 1942 г. на базе Управления боевой подготовки, Инспекции пехоты и Управления вооружения и снабжения было создано Управление инспектирования и подготовки новых формируемых стрелковых частей и соединений²⁹.

Г. К. Кулик

Г. А. Щаденко

И. В. Смородинов

В. В. Косякин

Н. Л. Никитин

А. П. Байков

С Е К Р Е Т Н О

Экв. № 1-152

ПРИКАЗ

ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ УКОМПЛЕКТОВАНИЯ ВОЙСК КРАСНОЙ АРМИИ

№ 069/пог.

Января 1943 г.

г. МОСКВА

Нижепоименованный начальствующий состав, погибший в боях против немецко-фашистских войск, исключается из списков Красной Армии:-

ГОРЬКОВСКИЙ ОБЛВОЕНКОМАТ.

✓ 1. Лейтенант **БАВИЛЧЕВ** Ал-др Михайлович - командир взвода 186 стр. дивизии. Рождения 1912 г.

Умер от ран 26.11.42 г.

Вст. нр.

чк 030/8-43

Жена - **БАВИЛЧЕВА** Екатерина Григорьевна - проживает в Борском р-не.

✓ 2. Младший лейтенант **НАНКОВ** Борис Андреевич - командир взвода 186 стр. дивизии. Рождения 1915 г., чл. ВЛКСМ.

Погиб 25.11.42 г.

Сестра - **ШЕВЕЛЕВА** Мария Андреевна - проживает в Шарьинском р-не.

✓ 3. Младший лейтенант **МИХЕЕВ** Алексей Прокопьевич - командир взвода 53 стр. полка. Рождения 1905 г.

Умер от ран 8.10.42 г.

Родственница **МИХЕЕВА** - проживает в г. Горький, ул. Косторико, 119.

✓ 4. Лейтенант **АЛЫПЕРТЕН** Рафаил Абрамович - командир взвода 125 Гвард. стр. полка 43 Гвард. Латвийской стр. дивизии. Рождения 1916 г.

Погиб 2.12.42 г.

Урожен. - г. Горький.

✓ 5. Майор **АНАНСЬЕВ** Михаил Николаевич - командир 4 танк. полка 35 отд. мото-стр. бригады. Рождения 1910 г.

Погиб 26.11.42 г.

Родственница **АНАНСЬЕВА** Р. - проживает в г. Горький

Приказ Главупраформа об исключении из списков Красной армии погибшего начальствующего состава

Отсутствие четких разграничений между функциями Главупраформа и Генерального штаба часто приводило к недоразумениям между этими органами управления. В практической работе представители Главупраформа инспектировали части и соединения не только формируемые в округах, но и в действующей армии, забывая, что этими вопросами занимаются Генеральный штаб и командование фронтов. Народный комиссар обороны своим приказом от 20 июня 1942 г. потребовал от начальника Главупраформа Е. А. Щаденко «четко разграничивать функции между его управлением и Генеральным штабом, заниматься исключительно вопросами формирования частей и соединений, а не их оперативным применением»³⁰.

В ходе войны на более высокую ступень поднялось искусство создания и использования стратегических резервов. Со второй половины войны они создавались, как правило, путем вывода в тыл армий, корпусов, дивизий из состава действующих фронтов с целью доукомплектования и восстановления их боеспособности. За последние полтора года войны в резерв Ставки было выведено 32 общевойсковых и шесть танковых армий, в которых насчитывалось 280 стрелковых дивизий, 12 танковых и семь механизированных корпусов, 67 отдельных танковых и 64 смешанных артиллерийских полка³¹. В резерв они выводились директивами Ставки ВГК.

27 апреля 1943 г. в связи с сокращением численности новых формирований Красной армии и уменьшением объема работы Главупраформа было издано постановление ГКО «Об изменении функций Главного управления формирования и укомплектования войск Красной армии»³². Новое «Положение о Главном управлении формирования и укомплектования войск Красной армии» было утверждено приказом НКО от 29 апреля 1943 г. На него возлагались следующие функции: разработка учетно-мобилизационных мероприятий по планам, утвержденным ГКО; контроль над мобилизационной работой, проводимой военными округами по мобилизации и призывам в Красную армию; контроль над обучением пополнения для Красной армии в запасных и учебных частях военных округов; выполнение нарядов по укомплектованию переменным составом военных училищ по заявкам главных управлений НКО. Главупраформ к середине 1943 г. состоял из управлений (мобилизационного, укомплектования и формирования), запасных частей, учебных частей (подготовка младшего командного состава), отдела кадров³³. Такая структура соответствовала функциональным требованиям главного органа управления по подготовке резервов стрелковых войск в округах и передаче их в действующую армию.

24 сентября 1943 г. постановлением ГКО начальником Главного управления формирования и укомплектования Красной армии был назначен генерал-полковник И. В. Смородинов, членом Военного совета — генерал М. И. Изотов³⁴. Е. А. Щаденко стал членом Военного совета Южного фронта³⁵.

Окончательное организационное оформление Главного управления формирования и укомплектования войск Красной армии состоялось во второй половине войны. Приказом НКО от 23 октября 1943 г. в Главупраформ было включено ранее самостоятельное Управление военной подготовки учащихся гражданских учебных заведений. Оно вошло в состав Главного управления Всевобуча³⁶. Это Главное управление (созданное постановлением ГКО от 17 сентября 1941 г. при НКО) за годы войны провело семь выпусков по 110-часовой программе вневойсковой подготовки, обучив свыше 9,9 млн специалистов для стрелковых войск³⁷.

23 ноября 1944 г. в состав Главупраформа из Управления тыла Красной армии было передано Управление по учету погибшего и пропавшего без вести рядового и сержантского состава и пенсионному обеспечению их семей³⁸.

Количество частей и соединений, сроки и места их формирования, как правило, определялись в каждом конкретном случае постановлениями Государственного Комитета Обороны. Для оказания практической помощи формируемым соединениям и проверки правильности и своевременности комплектования личным составом, обеспечения их вооружением и имуществом со стороны центральных и главных управлений Наркомата обороны и округов назначались соответствующие представители от Главупраформа по округу, а от военных советов округов — по каждой формируемой дивизии.

В ходе Великой Отечественной войны была сформирована 661 дивизия, в том числе 490 стрелковых, 18 воздушно-десантных, 91 кавалерийская, одна моторизованная, 37 народного ополчения, 13 дивизий НКВД, а также 666 бригад, в том числе 313 стрелковых, 22 воздушно-десантные, 48 мотострелковых, 32 механизированные³⁹. За годы войны в действующую армию были направлены 11,5 млн человек маршевого пополнения, а в новые формирования и непосредственно фронтами призваны около 12 млн⁴⁰. И в этом большая заслуга Главного управления формирования и укомплектования войск Красной армии. Массовая подготовка боевых резервов стала одним из важнейших факторов победы в войне.

Главное автобронетанковое управление Красной армии (ГАБТУ). В связи с насыщением войск автомобилями и бронетанковой техникой, созданием мощных соединений Автобронетанковое управление приказом НКО от 26 июня 1940 г. было реорганизовано в Главное автобронетанковое управление Красной армии⁴¹. Его основными задачами являлись: развитие организационных структур автобронетанковых войск, руководство формированием и боевой подготовкой частей и соединений автомобильных и бронетанковых войск, разработка уставов и наставлений по применению войск, развитие вооружения и бронетанковой техники, руководство подготовкой кадров для автобронетанковых войск.

Организационная структура ГАБТУ устанавливалась приказом НКО от 1 августа 1940 г. Начальником Главного автобронетанкового управления Красной армии был назначен генерал-лейтенант танковых войск Я. Н. Федоренко. ГАБТУ являлось центральным органом Наркомата обороны и подчинялось непосредственно народному комиссару обороны⁴². Организационно ГАБТУ включало управления: боевой подготовки, бронетанковое, автотракторное, ремонта и эксплуатации автобронетанкового и тракторного парка, а также отделы: мобилизационно-плановый, кадров и финансовый. Став начальником ГАБТУ, генерал Я. Н. Федоренко создал 25 июня 1941 г. оперативный штаб в составе 15 человек⁴³.

С началом войны ГАБТУ пришлось заниматься комплектованием и реформированием соединений и частей, развертыванием учебных и запасных частей. Так, постановлением ГКО от 6 июля 1941 г. было приказано к 18 июля сформировать 10 танковых дивизий в Московском военном округе⁴⁴. Основная тяжесть выполнения задания легла на Управление боевой подготовки ГАБТУ.

Согласно директивному письму Ставки ВГК № 01 от 15 июля 1941 г., имеющиеся механизированные корпуса как слишком громоздкие, малоподвижные, маломаневренные и легкоуязвимые от вражеской авиации были расформированы, при этом входившие в их состав танковые дивизии стали подчиняться командующим армиями, а мотодивизии были преобразованы в стрелковые⁴⁵.

В связи с возникшими задачами по руководству формированием новых частей и соединений на основании постановления ГКО приказом НКО от 10 августа 1941 г. в составе ГАБТУ было создано Управление формирования и укомплектования автобронетанковых войск⁴⁶. Оно состояло из отделов: организационно-штатного, формирования и укомплектования бронетанковых войск и бронепоездных частей, формирования и укомплектования автотранспортных, мотоциклетных и тракторных частей, ремонтных баз и складов, формирования и укомплектования автобронетанковых военно-учебных заведений, пополнения бронетанковых частей действующей армии личным составом и материальной частью, учетно-планового.

В центре внимания ГАБТУ в 1941 г. оказались вопросы структурных реорганизаций соединений и частей. Основной боевой единицей вновь формируемых частей стали танковые бригады и отдельные танковые батальоны. Согласно приказу НКО от 12 августа 1941 г. ГАБТУ должно было к 1 января 1942 г. сформировать 120 отдельных танковых бригад. Темпы формирования танковых бригад были напрямую связаны с выпуском танков промышленностью и подготовкой специалистов-танкистов в учебных частях⁴⁷.

К концу 1941 г. в Красной армии оставалось семь танковых дивизий (из них четыре — на Дальнем Востоке), 76 отдельных танковых бригад и 100 отдельных танковых батальонов. Такая организация автобронетанковых войск в условиях тяжелейших оборонительных операций 1941 г. была вынужденной. И только в 1942 г. возвратились к созданию танковых корпусов. В апреле — мае 1942 г. было сформировано 11 корпусов на фронтах и 14 корпусов в резерве Ставки ВГК⁴⁸.

Командующий бронетанковыми и механизированными войсками Я. Н. Федоренко на Брянском фронте проверяет подготовку артиллеристов 3-й гвардейской танковой армии. 1943 г.

Командование бронетанковых и механизированных войск Красной армии.
Справа налево: (сидят) генерал-полковники Б. М. Коробков, Н. И. Бирюков, маршал бронетанковых войск Я. Н. Федоренко; командующие армиями: маршалы бронетанковых войск П. С. Рыбалко, С. И. Богданов, генерал-полковник М. Е. Катуков; (стоят) генерал-полковники М. Д. Соломатин, А. Г. Родин, маршал бронетанковых войск П. А. Ротмистров, генерал-лейтенант М. Л. Чернявский. 1945 г.

Качественно новым этапом в организационном строительстве бронетанковых войск стало создание танковых армий. Первоначально они имели в своем составе два-три танковых корпуса и одну-две стрелковые дивизии, а затем, согласно постановлению ГКО «О сформировании десяти танковых армий» от 28 января 1943 г., приобрели однородный состав⁴⁹. К середине июля 1943 г. в действующей армии находились пять танковых армий нового состава. Таким образом, организационная структура танковых соединений и объединений к середине войны была оптимизирована, стала однотипной и обеспечивала командованию рациональное оперативное управление бронетанковыми и механизированными войсками, эффективное их использование в ходе военных действий. Применение столь мощных танковых объединений позволяло Верховному главнокомандованию активно влиять на развитие стратегических операций, придавая им качественно новое содержание.

С первых дней войны перед командованием ГАБТУ встала проблема подготовки танковых специалистов и младшего командного состава. С переходом танковых и моторизованных дивизий на штаты военного времени их учебные подразделения расформировывались, а личный состав был обращен на комплектование линейных частей. Трудности с материально-технической базой для обучения экипажей танков заставили командование ГАБТУ создавать вблизи танковых заводов Москвы, Ленинграда, Сталинграда, Горького, Харькова и Челябинска учебные бронетанковые центры формирования и подготовки маршевых подразделений, которые по приказу НКО от 3 сентября 1942 г. были переформированы в танковые лагеря⁵⁰.

Формированием и руководством деятельностью в войсках системы эвакуации и ремонта бронетехники занималось Управление ремонта и эксплуатации автобронетанкового и тракторного парка ГАБТУ. По настойчивому предложению командования ГАБТУ постановлениями ГКО в феврале — июне 1942 г. было сформировано более 50% всех ремонтных и эвакуационных частей, созданных за все годы войны: 134 подвижные ремонтные базы, 90 ремонтно-восстановительных батальонов, 56 эвакуационных рот и 56 сборных пунктов аварийных машин, что позволило восстанавливать и возвращать в строй в 1944—1945 гг. 70—75% поврежденных и неисправных танков и самоходных орудий⁵¹.

По предложению начальника ГАБТУ Государственный Комитет Обороны решил использовать новое бронетанковое средство — аэросани. Промышленностью к зиме 1941 г. было изготовлено 5 тыс. аэросаней⁵². Для подготовки личного состава аэросанных частей были созданы Соликамское и Котласское военные училища, а для централизованного руководства аэросанными боевыми и транспортными батальонами и их материально-техническим обеспечением сформировано Аэросанное управление⁵³. Зимой 1943—1944 гг. в действующей армии насчитывалось 39 аэросанных батальонов, из них 10 боевых и 29 транспортных⁵⁴.

Для централизованного управления формированием, ремонтом бронепоездов и обучением их личного состава приказом НКО от 9 октября 1941 г. в составе ГАБТУ был создан Отдел бронепоездов, который 13 января 1942 г. преобразован в Управление бронепоездов и бронемашин⁵⁵. Следует отметить, что если к началу войны в Красной армии насчитывалось 34 легких и 13 тяжелых бронепоездов, из них в составе Дальневосточного фронта (ДВФ) и в Забайкальском округе — 12 легких и пять тяжелых⁵⁶, то к концу 1943 г. в действующей армии и резерве ВГК имелось 59 дивизионов бронепоездов и девять отдельных бронепоездов.

В целях улучшения профессиональной подготовки, учета, подбора и расстановки кадров начальствующего состава (до командира бригады), а также повышения ответственности начальников главных управлений НКО за состояние кадров приказом НКО СССР от 20 сентября 1941 г. в составе ГАБТУ были созданы Управление кадров и Управление военно-учебных заведений автобронетанковых войск. Этим же приказом начальнику ГАБТУ подчинились все учебные заведения, курсы автобронетанковых войск и Военная академия механизации и моторизации Красной армии⁵⁷. Начальник Управления боевой подготовки автобронетанковых войск отвечал за сроки подготовки и отбор личного состава для экипажей танков в запасных полках, учебных батальонах (ротах) при заводах⁵⁸.

7

С П Р А В К А

о боевом и численном составе 109 и 104 т.д.
на 5.9.41 года.

109 Танковая дивизия

1. Состав танкового полка : КВ - 1, Т-34 - 10,
БТ-5-7 -9; Т-26 - 33 ;
2. Артиллерийский полк ; 152 м/м гаубиц - 8 ;
122 м/м гаубиц - 1; 76 м/м пушек - 2;
3. О З А Д : 37 м/м зенитных орудий - 7;
4. МОТО-СТРЕЛКОВЫЙ ПОЛК ; Личного состава - 1610 чел.
винтовок 812; автоматич. винтовок - 618; станковых
пулеметов - 17; ручных пулеметов - 62; ППД - 117;
зенитных пулеметов - 5;
45 м/м. пушек - 4; 82 м/м. минометов - 18;
50 мм. минометов - 25;
5. Развед. батальон; личного состава - 264; БТ - 1;
Т-40 -8; Бронемашин - 6; Винтовок - 158;
ручных пулеметов - 13; П П Д - 4;

104 танковая дивизия

1. Танковый полк: КВ - 2; Т-34 - 4; БТ-5 - 2;
Т-26 - 19;
2. Мото-стрелковый полк: личного состава 1½ батальона.
3. Артиллерийский полк:
152 м/м. гаубиц - 2; 122м/м гаубиц - 7;
4. О З А Д : 37 м/м. зенитных орудий - 5;
5. РАЗВЕДЫВАТ. БАТАЛЬОН : бронемашин - 3 ;
личного состава - 70 человек.

НАЧАЛЬНИК А Б Т В 43 АРМИИ
Подполковник

(ТРАВКИН)

БОЕВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА 326 сд.

1. В состав 10 Армии 326 дивизия прибыла 4 ноября 1941 года. Дивизия формировалась в гор. САРАНСК с 1 сентября по 20 октября 1941 года на базе людских ресурсов города и прилегающих районов. Срок готовности 326 сд определен 15 декабря 1941 года.

Боевой путь дивизии начат приказом Военного Совета 10 армии за № 001 от 4.12.41.

Дивизия сосредоточилась к исходу 5.12.41 в район МИЧУРОВСКА, МАМОНОВО, ДУВОВОЕ.

На 6.12 дивизия имела задачу выйти в район СЕМЕНОВСКОЕ, ГРЯЗНОЕ и в дальнейшем на САМОДУРОВСКОЕ. Имея соприкосновение с противником, к утру 7.12 дивизия вышла на рубеж: ДУРНОЕ, СЕМЕНОВСКОЕ и наступала на ПОКРОВСКОЕ, СОБАКИНО, ХИТРОВЩИНА, ЛЬВОВО, выходя к исходу 8.12 на рубеж КОВАЛЕВСКА, ХИТРОВЩИНА, КРАСНОЕ, СОБАКИНО.

В последующем дивизия наступает на ДУРАСОВО, ЕФИФАНЬ, РОЖДЕСТВЕНКА. В результате боя 14.12 дивизия овладела КЛИНОВОЕ.

В течении ночи и утра 20.12, ведя упорные бои с противником 326 и 323 сд овладели ШЛАВСК, захватив богатые трофеи: 13 танков, 23 орудия, 7 тракторов, 116 автомашин и другое военное имущество. Было отбито 500 человек раненных и пленных красноармейцев.

В последующем дивизия продвигалась от рубежа к рубежу частично имея соприкосновение с противником.

К 10 января дивизия вышла в район СЛОВОДА, СТУДЕНОВО, ПЕРЕНЕШЬЕ, КРУТАЯ, БАЯТИНСКОЕ.

К 18.1. 326 сд заняла оборону на рубеже: СТУДЕНОВО, ФИЛИПКО-ВО, СТАР. ШОПОТОВО, БЫКОВО, ХАРИНКА, УСОВКА.

В последующем дивизия ведет бои за удержание указанного рубежа.

2. На всем протяжении своего боевого пути дивизия имела следующие потери по месяцам:

	Убито и ум. от ран			Ранено, контужено, обожжено в госпиталь			Забол. с эваку. в госпит.			Обморожено с эваку. в госпиталь.		
	н/с	мл.	р/с	н/с	мл.	р/с	н/с	мл.	р/с	н/с	мл.	р/с
Декабрь	28	46	222	70	108	836	2	6	37	-	-	1
Январь	44	77	414	69	193	887	2	3	117	-	2	11
Февраль	21	70	335	54	136	734	2	-	17	-	-	-
М а р т	72	128	876	98	201	1282	3	5	73	-	-	7
ИТОГО потерь	165	321	1847	291	638	3739	9	14	244	-	2	19

	Пропало безвести			Попало в плен			По другим причинам			ИТОГО потерь			ИТОГО
	н/с	мл.	р/с	н/с	мл.	р/с	н/с	мл.	р/с	н/с	мл.	р/с	
Декабрь	7	33	282	-	-	2	1	67	681	108	260	2059	2427
Январь	8	56	316	-	-	4	-	-	144	123	331	1393	2347
Февраль	10	33	162	-	-	5	-	-	-	87	239	1253	1579
М а р т	34	110	1017	-	-	4	1	2	43	208	446	3305	3959
ИТОГО потерь	59	232	1777	-	-	15	2	69	868	526	1276	8509	10311

3. В течение марта 1942 г. дивизия получила пополнение личного состава:

н/с	мл. н/с	Рядов. сост.	Всего
305	554	3984	4843

4. Награжденные ~~президентскими~~ высшими наградами.

н/с	мл. н/с	Рядов. сост.	Всего				
72	33	74	179				
Орд. Красного Знамени	По видам наград:			Орден Красной Звезды	Медаль за отвагу	Медаль за боевые засл.	ВСЕГО
4	54	91	30				179

5. Личный состав 326 ст. награжден за образцовые действия и героизм, проявленные при овладении ст.Каганович, Клиновое. Много награжденных за бой по овладению Плавск и за бои в районе Варятинское, Крутая. **4** Часть личного состава награждена за участие в более мелких боевых столкновениях на протяжении всего боевого пути дивизии

НАЧАЛЬНИК ОПЕРАТИВНОГО ОТДЕЛА
ПОЛКОВНИК
/СОСЕДОВ/

[Handwritten signature in red ink]

ВОЕНКОМ ОПЕРОТИДЕЛА
БАТ. КОМИССАР
/ ГОРИН /

[Handwritten signature in blue ink]

СТ. ПОМ. НАЧ. ОПЕРОТИДЕЛА
МАЙОР

[Handwritten signature in blue ink]

/ ГУРБАНОВ /

[Handwritten red text] Ю.Ч.42

Копия
70

МОСКВА ТОВАРИЩУ СТАЛИНУ.

1. До Вашего приказа об откомандировании молодых возрастов из тыловых частей в боевые части, решением Командования фронта было направлено в передовые части 1.305 человек.

2. По Вашему приказу №-0308 из тыловых частей и подразделений (бвз 32 и 33 армий), откомандировывается в боевые части молодых возрастов: младшего начсостава - 2044 и рядового - 17.461, а всего 19.505.

Кроме того, из тыловых подразделений войск 24 армии направлено в боевые части 1.500 человек.

3. Об общем количестве откомандировываемых молодых возрастов донесено Зам. Народного Комиссара Обороны телеграммой №-0У/73 от 2.9.41, а подробные сведения по военно-учетным специальностям представлены ему же при №-0У/0195 5.9.41.

4. По Вашему приказу №-0073 из "яго стрелкового вооружения: винтовок - 25.171, из них передано на вооружение маршевых батальонов 10.500 и боевых частей армий - 9.532 винтовки, остальные находятся на ГАС"ах армий и фронта. Ручных пулеметов - 116, станковых пулеметов - 31, револьверов - 1.008, танковых пулеметов ДТ - 9, ППД и ППШ - 4, пулеметов шКАС - 3, минометов - 3.

5. Для подготовки лейтенантов и младших лейтенантов в настоящее время из дивизий народного ополчения отбираются лица с высшим и средним образованием, а из

остальных дивизий лучшие младшие командиры. Подготовка этих командиров будет производиться в запасной учебной бригаде, которая формируется на базе 179 запасного стрелкового полка.

Ж/м
Командующий Войсками РФ
ГЕНЕРАЛ АРМИИ
(ЖУКОВ)

Член Военного Совета
(Круглов)

Начальник Штаба Фронта
ГЕНЕРАЛ МАЙОР
(Анисов)

" 7 " сентября 1941 г.
№- *0-21*
КШ-Ново-Александровское.

*Витпергайт, 2 тмз.
тмз л 1 - адресату через императорск.
тмз л 2 - в дело
пер. Беломошова
Или сепр. соедн
театра - итот 1/2 А. В. Суворов
7.9.41*

И-1
59/4

Оперативный отдел штаба	
СЕКРЕТАРИАТ	
Начальника Штаба	
Вх. № <i>0224</i>	Вх. № <i>442</i> СЕРИЯ "Г" <i>410</i>
5 <i>9</i> 1941 г.	<i>21-00</i> 9 1941 г.

БОЕВОЕ ДОНЕСЕНИЕ № 149 ШТАКОР 2 ПВО ЛЕНИНГРАД

18.00 5.9.41г. - КАРТА 500.000

1. С 6.00 до 18.00 5.9.41 противник одиночными самолетами и группами до 20 самолетов /МЕ-110, 109, Ю-88, ХЕ-III, Фокке-Вульф -198, ХШ-126, ДО-215/ вел разведку в районах: Красная Горка, Беззаботное, Низино, Дятлицы, Витино, Красногвардейск, Пушкин, Горелово, Петергоф, Черное, вдоль Ладожского канала, Мга, Пороги, Перк"ярви, Ибутселькя, Мистолово, Левашово, Косимово.

Противник бомбил аэродромы: Левашово, Касимово, Низино, Шоссейная.

Результаты бомбометания уточняются.

ЗА КВБ сбита один МЕ-110 и 1 свой самолет И-16.

По донесению МРВО: в течение дня противник вел артобстрел г. Колпино, Пулково, Средней Рогатки, Ново-Саратовская колония, завода "Большевик" и г. Ленинграда. Имеются убитые, раненые и разрушения.

По донесению командира 194 ЗАП, скопление пехоты противника наблюдалось в районах: ж.п. окраины Нов. Кирьясалы, районе Пенемьяки /4 км. севернее Лемболово/ и районе Охта /до б-на в каждом районе/.

2. ИА 7 ИАК в виду плохих метеоусловий /сплошная дождевая облачность 50-150 мтр., проходящие дожди/ вела ограниченные боевые действия на прикрытие своих войск в районе Мга.

Произведено на 13.00 5.9.41г. 22 самолето-вылета. Налет 22 часа 50 минут.

8 час. 55 мин. 9 И-16 26 ИАП, прикрывая свои войска в районе МГА, из облачности неожиданно были атакованы одним МЕ-109, сбит мл. лейтенант Малашкин, который вошел в штопор и упал в районе Мга, Синяино. Ведущий группы наблюдал, самолет Малашкина упал в лес и сгорел.

10.15 1 ДО-215 вылетел из-за облачности сбросил 6 бомб на аэродром Левашово и обстрелял пул. огнем стоянку самолетов. 1 ЛАПГ-3 имеет 5 пулевых пробоин и в лесу за границей аэродрома ранена одна женщина.

ЗА вела огонь. Израсходовано: 115 ЗАП - 28 снарядов 85мм, 194 ЗАП - 2 снаряда 85 мм., 351 ЗАП - 25 снарядов 85 мм., 169 ЗАП - 297 снарядов 85 мм., 20 ОЗАД-100 снарядов 76 мм., 69 снар. 37мм. и 220 пул. патрон.

3. Дислокация постов ВНОС без изменения.

4. Потери 2-го прож. полка с 28.8. до 3.9.41г.

Одна прожстанция ЗП-2 оставлена расчетом при наступлении противника в районе Саблино. При этом потерян кр-ц Доровских.

Из состава 7 прож. роты в районе ст. Мга: 1 прожстанция оставлена лейтенантом Шеховцевым. При этом потерян кр-ц Белоусов. Красноармеец Гурло оставленный в районе Мга найден раненым и отправлен в госпиталь.

1 прожстанция оставленная после аварии /свалилась под откос/ в районе Шлиссельбург - доставлена в Ленинград. Требуется ремонт.

1 прож. станция снесена в районе ст. Фелла /отпущено рание/.

2.- 41

По указанным фактам ведется расследование.

5. Изменения к боевому донесению № 148.

На аэродром Н.Дубровка сброшено не две /как указано в донесении/, а 20 бомб. Все бомбы не разорвались.

АЗ опущены в 04.15.

Дополнения к боевому донесению № 147 п.2.

Число сбитых самолетов противника 11-й батареей 351 ЗАП не два Ю-88, а 4 Ю-88.

Нач. Штаба 2 Корп. ПВО
Подполковник
/Добрянский/

Военком Штаба
Батальонный комиссар
/Привалов/

отп. 6 экз.
исп. Федоров
Подписано в "19" ч. "50" м.
Разослано по списку № 1
Отправлено в "20" ч. "18" м.
Получено в "... "ч. "..." м.
№ 2238-ед

экз. № 1.....

Безвозвратных потерь 62 Артиллерийского полка
за 28 июля 1943 г.

Улицы

84

Фамилия, имя, отчество и адрес жены или родственника	звания и чины	место рождения	год рождения	Класс РВК	какие награды	где похоронен	Фамилия, имя, отчество и адрес жены или родственника
1. Рашидов, Мух. Омарович	красноармеец	село Димитровское, Орловская обл.	1909	Финляндия	орден Отечественной войны I ст.	в родном селе	Рашидов, Мух. Омарович адрес жены или родственника
2. Рашидов, Мух. Омарович	красноармеец	село Димитровское, Орловская обл.	1909	Финляндия	орден Отечественной войны I ст.	в родном селе	Рашидов, Мух. Омарович адрес жены или родственника
3. Рашидов, Мух. Омарович	красноармеец	село Димитровское, Орловская обл.	1909	Финляндия	орден Отечественной войны I ст.	в родном селе	Рашидов, Мух. Омарович адрес жены или родственника

84

Новоселье Шабана Камитан

Список безвозвратных потерь 62-го артиллерийского полка за 28 июля 1943 г.

Иск № 0216
14.3.45

Оперативный Отдел
№ 11
№ 106499
1945
Штаб 1 Украинского Фронта

Серия " В " 21

НАЧАЛЬНИКУ ШТАБА 1 УФ

СПЕЦДОНОСЕНИЕ 14.3.45 Штарм 4/ТАНКУ

Наличие боевой материальной части в боевых порядках войск 4 ТА по состоянию на 13.3.45 г.

- 6 МК - 16 МБР - Танков Т-34- 35
- 17 МБР - Танков Т-34- 35
- 49 МБР - Танков Т-34- 4
- 1727 САП - СУ - 100 - 21
- 29 ТП - Танков Т-34- 1
- 56 ТП - Танков Т-34 - 1
- 95 МЦБ - Танков Т-34 - 10
- 1433 САП- СУ- 76 - 19
- 28 ТТП - Танков ИС-122-16
- 33 ОБС-Танков Т-34 - 4

- 10 ТК: 61 ТБР - танков Т-34 - 50
- 62 ТБР - танков Т-34 - 53
- 63 ТБР - танков Т-34 - 10
- 7 ТТП - танков ИС-122-12
- 7 МЦБ - танков Т-34 - 9
- 1222 САП - СУ-76 - 19
- 356 САП - СУ-85 - 5, Т-34 - 13.
- 152 ОБС - танков Т-34 - 3

- 93 ОТБР - танков Т-34 - 50
- 51 МЦП - танков Т-34 - 10
- 13 ТТП - танков ИС-122-19
- 28 САМБР- СУ-57 . . - 52, Т-34 - 1, МК 9/10 - 4
- 91 ИТП - Танков Т-34 - 11

Всего по армии танков Т-34 - 310, МК 9/10-4, ИС-122-47, СУ-76-38,
СУ-85 - 5, СУ-100 -21, СУ-122-3, СУ-57 - 52
Итого танков и СУ - 427, бронетранспортеров СУ-57-52.

Отп. < экз. > НАЧАЛЬНИК ШТАБА 4 ТА
Гв. ГЕНЕРАЛ-МАЙОР Т/В /УШАН/
№ 1 - 1 УФ
№ 2 - в дело.
№ 57 13.3.45 юр

Спецдонесение о наличии боевой материальной части в боевых порядках войск 4-й танковой армии на 13 марта 1945 г.

Утверждаю:
 Командующий войсками 4УФ.
 Маршал Советского Союза
 10 апреля 1945г.

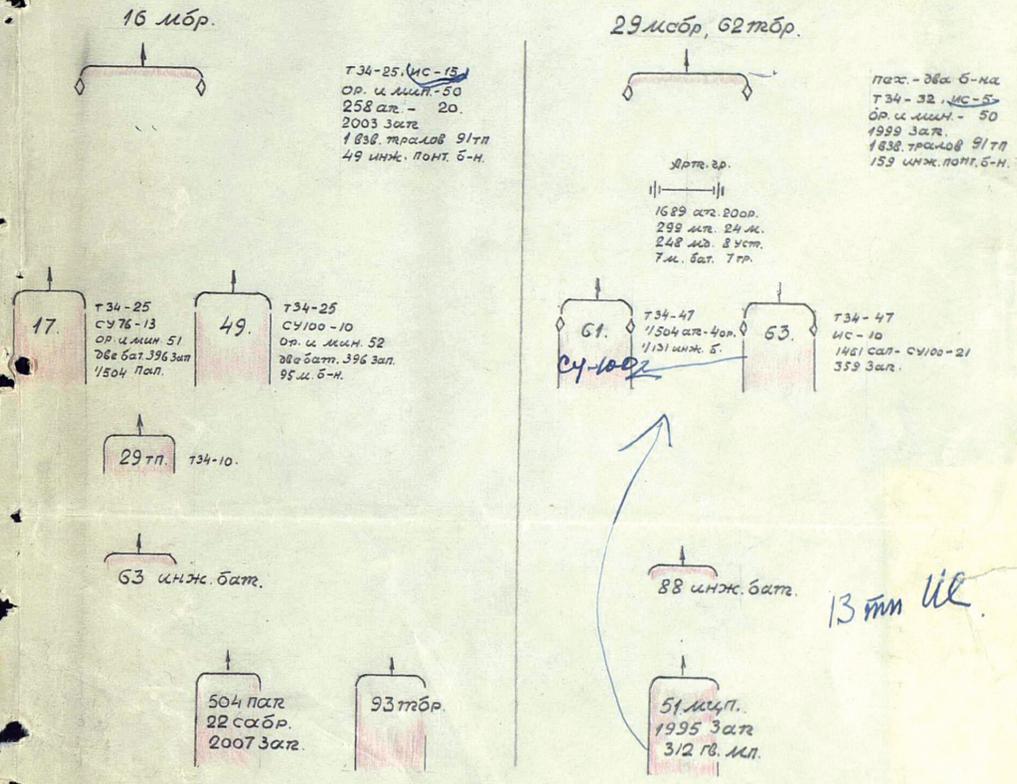
Конев

Член Военного Совета 4УФ
 Генерал-лейтенант
 1 Крайнюков

Сов. Секр.
 экз. № 31

Оперативный Отдел
 № 274/4
 1945г.
 Штаба 1 Украинского Фронта

Схема боевого порядка 4ГВТЯ.

Командующий войсками 4гв. т.я.
 Гв. Генерал-Полковник
 1. Валушенко

Валушенко

Член Военного Совета 4гв. т.я.
 Гв. Генерал-Майор т.я.
 1. Гуляков

Валушко
 3

Начальник штаба 4гв. т.я.
 Гв. Генерал-Майор т.я.
 1. Урмант

Урмант

Схема боевого порядка
 4-й гвардейской танковой армии на апрель 1945 г.

Оперативный Отдел
Вх. № 0010792
№ 275 1945 г.
Штаб 1 Украинского Фронта

Серия "Г" 34

БОЕВОЙ ПРИКАЗ № 0011 Штаб 4-й ТА НК 1.5.45 "час. 12 мин."

Карта 100 000-36

3.5.45 69 А 1 БФ сменяет части 4 Гв.ТА на рубеже: НОВАВЕС, вост. берег озера ХАВЕЛЬ, вост. берег озера ШВИЛОВ, ст. БЕЕЛИЦ, РЕСДОРФ, БЕНДИШ - БОРК.

П Р И К А З Ы В А Ю:

1. Командиру 6 Гв.МК к исходу 2.5.45 сосредоточиться в районе: ЛАНГЕРВИШ/2 км. вост. МИХЕНДОРФ/, /иск/ МИХЕНДОРФ, ЗЕДДИН, ШЛУНКЕНДОРФ, ШТЮККЕН, /иск/ ЗАРМУНД.

Штаб корпуса - ЛАНГЕРВИШ

и к исходу 4.5.45 сосредоточиться в районе: /иск/ ШЛИБЕН/20 км. южн. ДАМЕ/, ПОЛЬБЕН/6 км. зап. ШЛИБЕН/, ОСТЕРОДА, лес вост. ОСТЕРОДА, выс. 123,8, ФРАНКЕНХАЙН.

КП - ОЛЬЗИГ.

Маршрут: ЛАНГЕРВИШ, ШТЮККЕН, РИБЕН, зап. окр. ЛУКЕНВАЛЬДЕ, ЮТЕРБОГ, зап. окр. ДАМЕ, ШЛИБЕН.

2. Командиру 10 Гв.ТК 3.4.45 сдать боевой участок частям 69 А и к исходу 4.5.45 сосредоточиться в районе: /иск/ ДАМЕ, НИНДОРФ, МЕЛЬСДОРФ, ЛЕБУЗА, КОЛЬНИН.

КП - БОЛЛЕНСДОРФ.

Маршрут - ШТАНСДОРФ, ГЮТЕРГОТЦ, ШЕНКЕНДОРФ, ШТРУВЕСХОФ, ТРЕВВИН, вост. окр. ЛУКЕНВАЛЬДЕ, БНИКЕНДОРФ, ВАЛЬСДОРФ, ДАМЕ.

3. Командиру 5 Гв.МК 3.5.45 сдать боевой участок частям 69 А к исходу 4.5.45 сосредоточиться в районе: /иск/ ШЕНЕВАЛЬДЕ/15 км. юго-зап. ДАМЕ/, ГРАССАУ, ЕСНИГ, ВЕРХАУ, ВИЛЛЕРСДОРФ.

КП - ВИЛЬДЕНАУ.

Маршрут: БЕЕЛИЦ, ТРОЙЕНБРИТЦЕН, ЮТЕРБОГ, ВЕЛЬЗИКЕНДОРФ, ШЕНЕВАЛЬДЕ.

4. 68 Гв.ОТБР и 70 САНБР к исходу 4.5.45 сосредоточиться в р-не: 68 ОТБР - НАУНДОРФ/5 км. сев-вост. ШЛИБЕН/; 70 САНБР - ВЕРХЛУГА/1 км. вост. ШЛИБЕН/.

Бригадам следовать по маршруту 5 Гв.МК.

Армейской артиллерийской группе к исходу 4.5.45 сосредоточиться в районе: КРАССИГ/5 км. сев. ШЛИБЕН/, КОЛОХАУ, г. д.в. ВЕЙСЕНБУРГ; следовать по маршруту 3 Гв.МК.

5. 3 Гв.инж.бригаде, 285 инж.батальону, 119 ТП к исходу 4.5.45 сосредоточиться в районе: лес 2 км. сев. ШЛИБЕН. Следовать по маршруту 6 Гв.МК.

35

6. 7 Гв.ОМЩ, 13 Гв.ТТИ следовать по маршруту 10 Гв.ТК и к исходу 4.5.45 сосредоточиться в районе:

7 Гв.ОМЩ - лес 2 км сев.ШЛИБЕН;
13 Гв.ТТИ - лес 1 км. сев.ШЛИБЕН.

7. КП Штарма с утра 4.5.45 - БЕРГА/1 км. сев.ШЛИБЕН/.

Обращаю внимание всех командиров корпусов и соединений на скрытность совершения марша и соблюдение полной светомаскировки.

Получение подтвердить. Исполнение донести.

КОМАНДУЮЩИЙ ВОЙСКАМИ 4 Гв.ТА
Гвардии ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИК
/ЛЕЛЮШЕНКО/

ЧЛЕН ВОЕННОГО СОВЕТА
Гв. ГЕНЕРАЛ-МАЙОР Т/В
/ГУЛЯЕВ/

Смолин
НАЧАЛЬНИК ШТАБА 4 Гв.ТА
Гв. ГЕНЕРАЛ-МАЙОР Т/В
Урман
/УРМАН/

Отп. 10 экз.

Разослано по

списку.

№ 287 1.5.45 юр

Оперативный Отдел
Вх. № R 0010815
" 24 " 5 1945 г.
Штаб 1 Украинского фронта

Сов. секретно.
экз. № _____

86

" У Т В Е Р Ж Д А Ю "
=====

КОМАНДУЮЩИЙ 5 Гв.А.
ГВАРДИИ ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИК
/ЖАДОВ/

ЧЛ. ВОЕН. СОВЕТА 5 Гв.А
ГВАРДИИ ГЕНЕРАЛ-МАJOR
/КРИВУЛИН/

" ___ " Мая 1945 года.

П Л А Н
=====

ввода 4 ГТКОЛК в прорыв

Действия Корпуса : Время выполнения
=====

1. : Сосредоточение корпуса в район выжи : К угро 6.5.45г.
: дательных позиций /лес 2 км. юго-зап :
: ГИРШФЕЛЬД/.
2. : Выдвижение ПО корпуса в рошу 1 км. : В период арт.подготовки
: южн. ШТРАУХ.
3. : Выдвижение ПО Корпуса в рошу 1,5 км : После выхода пехоты
: юго-вост. КРАУШУЦ на рубеж жел.дор.
4. : Начало ввода в прорыв ПО Корпуса : После выхода пехоты на
: юж.берег р.ДОБРА-БАХ.
: Главные силы корпуса в этот пе-
: риод переходят в рошу 1,5 км. юго-
: вост. КРАУШУЦ.
: В дальнейшем ПО Корпуса следует
: по маршруту: КАЛЬКРЕЙТ, РЕЙНЕРСДОРФ,
: ШТАЛНБАХ, АУЭР, ДИППЕЛЬСДОРФ, БОКСДОРФ
5. : Ближайшая задача ПО Корпуса-овладеть
: рубежом ШТАЛНБАХ, в дальнейшем - пе-
: ререзать автограду в районе РЕНИЦ-
: ХЕЛЛБРАУ; конечная задача ПО-захва-
: тить переправы через р. ЭЛЬБА в цен-
: тральной части г. ДРЕЗДЕН.
6. : Главные силы корпуса следуют по мар-
: шруту ПО, в готовности развивать дей-
: ствия ПО и обеспечивать от контратак
: противника с левого фланга.

СОСТАВ ПО КОРПУСА:
12 ГТвр, 29 ТП /без одной роты/, рота сапер 106 ОСБ, дивизион 1600 ЛАП, дивизион 264 ОМП.

ВТОРОЙ ЭШЕЛОН КОРПУСА: 14 ГТвр с ротой 29 ТП, 3 ГМСвр, части артиллерии невошедшие в состав ПО.

отп. 2 экз.
исх-Б

КОМАНДИР 4 ГТКОЛК
ГВАРДИИ ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ ТАНК.ВОЙСК
/ПОЛУВОЯРОВ/ -
НАЧАЛЬНИК ШТАБА КОРПУСА
ГВ ГЕНЕРАЛ-МАJOR Т/ВОЙСК

/НАГАЙБАКОВ/

План ввода в прорыв 4-го гвардейского Кантемировского ордена Ленина Краснознаменного корпуса 5-й гвардейской армии в мае 1945 г.

сов. секретно

87

Оперативный Отдел
Вх. № R 0010815
№ 275 1945 г.
Штаба Украинского фронта

СХЕМА

построения боевых порядков 4 гв. тк. при бое в прорыв

12 ГТБР с 29 тп (без 1 танк. роты)

рота сапер 106 ОСБ

1/1660 ЛАП
1/264 ОМП

14 ГТБР тр 29 тп

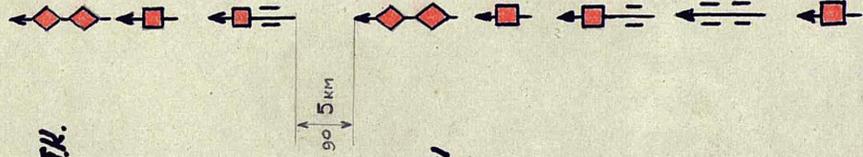
штакор, 76 ОМБ, 413 ОБС

3 ГМСБР

1/1660 ЛАП, 1/264 ОМП
240 ОМБ, 120 ГЗАП

106 ОСБ

Верно: Нач. оперативела 5 вб Армии
гв. Полковник *Шену* / Савицкий

главные силы
(2 эшелон)

п.п. Командир корпуса
гв. генерал-лейтенант т. бойск
гв. Полубожаев г.

Начальник штаба корпуса
гв. генерал-майор т. бойск
гв. Назайдамов г.

Схема построения боевых порядков
4-го гвардейского танкового корпуса при вводе в прорыв в мае 1945 г.

Установка двигателя на аэросани НКЛ-26 на архангельском заводе «Красная кузница»

Высадка разведчиков из аэросаней НКЛ-16

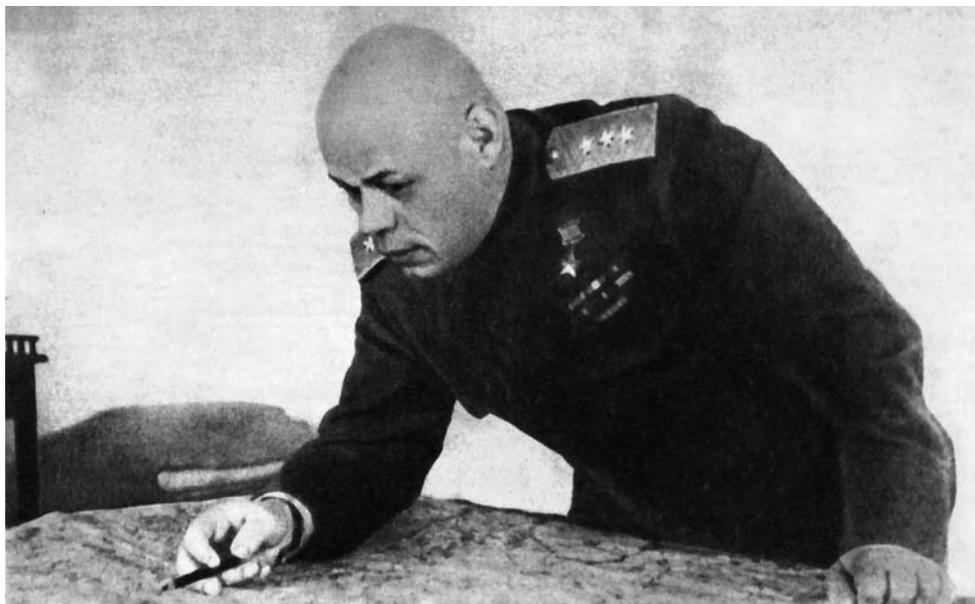
В руководстве подготовкой резервов и маршевого пополнения для автобронетанковых войск действующей армии важную роль сыграл приказ НКО № 0462 от 2 декабря 1941 г., согласно которому все запасные и учебные автобронетанковые части, расположенные на территории военных округов, за исключением Ленинградского и Забайкальского ВО и Дальневосточного фронта, подчинялись начальнику Главного автобронетанкового управления Красной армии⁵⁹.

На базе действовавших учебных частей 3 января 1943 г. было сформировано семь учебных танковых бригад и одна бронебригада в составе двух-трех учебных и одного запасного полка каждая. В апреле 1943 г. завершилось формирование двух отдельных учебных полков самоходной артиллерии в составе 1-й и 5-й учебных танковых бригад⁶⁰.

За время Великой Отечественной войны в учебных соединениях и частях прошли подготовку около полумиллиона различных младших специалистов для бронетанковых и механизированных войск⁶¹. Запасные и учебные части подготовили 15 099 маршевых подразделений, в том числе 10 116 танковых рот и 4983 батареи самоходной артиллерии⁶², что позволило обеспечить пополнение подготовленными экипажами бронетанковых и механизированных войск действующей армии, а также соединения и объединения, выведенные в резерв Ставки ВГК.

С увеличением выпуска промышленностью танкового вооружения и ростом количественного и качественного состава бронетанковых войск значительно возросла их роль в войне как рода войск Красной армии. В течение 1942 г. были сформированы две танковые армии, 25 танковых и восемь механизированных корпусов, 106 отдельных танковых и шесть механизированных бригад, 68 танковых полков и 57 отдельных танковых батальонов. Формирование батальонов во второй половине 1942 г. было прекращено. Командный состав получил опыт управления ими.

В соответствии с постановлением ГКО от 7 декабря 1942 г. Главное автобронетанковое управление приказом НКО от 5 января 1943 г. было преобразовано в Управление командующего БТ и МВ бронетанковыми и механизированными войсками (БТ и МВ)⁶³ в составе: Управление командующего БТ и МВ, Главного управления формирования и боевой подготовки БТ и МВ Красной армии и Главного бронетанкового управления Красной армии⁶⁴. Также были утверждены командующий и Военный совет БТ и МВ Красной армии. Командующим стал генерал-лейтенант танковых войск Я. Н. Федоренко⁶⁵.

Командующий 3-й гвардейской танковой армией П. С. Рыбалко у карты боевых действий

Основными функциями управления являлись: развитие организационных структур войск; руководство формированием и подготовкой танковых и механизированных частей, соединений и объединений; осуществление контроля над правильным применением бронетанковых и механизированных войск в боях и операциях; изучение опыта применения этих войск и внедрение его в боевую практику; разработка боевых уставов, инструкций и наставлений по применению бронетанковых войск; организация бронетанкового обеспечения частей и соединений; развитие вооружения и бронетанковой техники; руководство подготовкой специалистов и командно-технических кадров для бронетанковых и механизированных войск.

Командующему бронетанковых и механизированных войск Красной армии подчинялись командующие БТ и МВ фронтов и начальники управлений БТ и МВ военных округов. Руководство боевой деятельностью БТ и МВ командующий и Военный совет осуществляли путем личного участия или через штаб в разработке операций Генеральным штабом по применению бронетанковых и механизированных войск или дачи письменных предложений по данным вопросам и присутствия при утверждении плана операции Ставкой ВГК, а также личного руководства подготовкой, проведением операций танко-механизированных группировок на главных направлениях фронтовых операций, при тесной увязке и согласовании с планами командующих фронтов⁶⁶. В целях поднятия авторитета и ответственности начальников управлений автобронетанковых войск фронта Ставка ВГК назначила их заместителями командующих войсками фронтов по БТ и МВ. В штат управления вводились должности двух заместителей⁶⁷.

В январе 1943 г. из Главного управления автотранспортной и дорожной службы Красной армии было выделено Главное автомобильное управление Красной армии. В соответствии с приказом НКО от 23 апреля 1943 г. о передаче самоходной артиллерии из Главного артиллерийского управления в ведение командующего БТ и МВ в штат Главного бронетанкового управления включалось Управление самоходной артиллерии. Во все управления Главного бронетанкового управления включались отделы самоходной артиллерии. Заместителем начальника управления по артиллерии был назначен генерал-лейтенант В. Э. Таранович⁶⁸. В состав бронетанковых и механизированных войск из артиллерии Красной армии были

переданы 30 самоходных артиллерийских полков, учебный центр и три учебных полка, два училища самоходной артиллерии⁶⁹.

В связи с дальнейшим увеличением танкового парка, изменением условий и характера боевого применения бронетанковых войск в операциях 1944 г. возникли новые задачи по дальнейшему повышению эффективности танкотехнического обеспечения. 12 марта 1944 г. постановлением ГКО «О сосредоточении производства ремонта танков в системе НКО» было создано Главное управление ремонта танков Красной армии при командующем БТ и МВ. В его ведение переданы все танкоремонтные заводы, принадлежавшие наркоматам танковой промышленности и среднего машиностроения⁷⁰.

Успехи военной экономики СССР и усилия командования всех уровней позволили сформировать весьма значительное количество частей, соединений бронетанковых и механизированных войск Красной армии. За период войны было сформировано восемь танковых армий (они доукомплектовывались и переформировывались 13 раз), танковых корпусов — 78, механизированных корпусов — 26, механизированных и мотострелковых бригад — 426, танковых полков — 409, танковых батальонов — 160, самоходно-артиллерийских бригад, полков и дивизионов — 459⁷¹.

Возросли и количественные показатели танкового парка Красной армии. Так, если на 1 декабря 1941 г. насчитывалось 6039 танков (из них легких — 5045), то на 1 мая 1945 г. — 21 700 (из них 4221 легкий и 7571 САУ)⁷². Удельный вес бронетанковых и механизированных войск в составе Красной армии возрос с 4,4% в декабре 1941 г. до 11,5% в начале 1945 г. Неуклонный количественный и качественный рост бронетанковой техники, а также опыт их боевого применения в операциях способствовали совершенствованию структуры танковых соединений и объединений в ходе войны, который шел по линии их укрупнения, усиления огневой мощи, маневренности, оперативной самостоятельности и улучшения управляемости.

Сложившаяся в годы Великой Отечественной войны система управления бронетанковыми и механизированными войсками Красной армии оказалась жизненной, достаточно оперативной. Командование бронетанковых и механизированных войск Красной армии превратило танковые войска в главную ударную силу сухопутных войск, способных придавать операциям фронтов и групп фронтов решительный и маневренный характер, увеличивать их пространственный размах, темпы наступления и в итоге достигать крупных стратегических и военно-политических целей в кратчайшие сроки.

Главное управление начальника артиллерии Красной армии (ГУНАРТ КА). Важное место в системе органов оперативного руководства артиллерией в годы войны занимало Главное управление начальника артиллерии Красной армии. С первых дней войны Ставка ГК и руководство Наркомата обороны столкнулись с весьма серьезной проблемой в области организационного развития артиллерии, восстановления ее былой мощи как главной огневой силы Красной армии.

Формированием частей войсковой артиллерии в начале войны занимались Главное артиллерийское управление Красной армии (ГАУ) (генерал-полковник Н. Д. Яковлев), окружные управления артиллерии и различные комиссии по формированию стрелковых и кавалерийских дивизий. Снабжением войск действующей армии и новых формирований стрелковым и артиллерийским вооружением и боеприпасами в первые месяцы войны ведал мобилизационно-плановый отдел ГАУ.

Постановлением ГКО от 18 июля 1941 г. была восстановлена должность начальника артиллерии Красной армии, на которую назначен генерал-полковник артиллерии Н. Н. Воронов⁷³ с освобождением его от должности начальника Главного управления ПВО. Постановлением СНК от 20 сентября 1941 г., объявленном приказом НКО № 320 от 23 сентября, он стал заместителем народного комиссара обороны СССР⁷⁴. Начальник артиллерии Красной армии являлся начальником наземной и войсковой зенитной артиллерии, артиллерийской авиации и воздухоплавательных частей Красной армии. Он отвечал за совершенствование организационной структуры войсковой артиллерии, а также артиллерийских частей и соединений резерва Главного командования; руководство формированием и укомплектованием

Расчет 120-мм миномета на позиции

Транспортировка советской 203-мм гаубицы Б-4 через немецкий город

частей и соединений, их боевой подготовкой; осуществлением контроля над правильным применением артиллерии в операциях; развитие артиллерийского вооружения и боеприпасов и разработку заявок на их производство; организацию материально-технического обеспечения артиллерийских частей и соединений (в первую очередь резервов ГК); руководство подготовкой артиллерийских кадров; разработку инструкций и наставлений по применению артиллерии.

Главное артиллерийское управление 20 сентября 1941 г. приказом НКО было подчинено начальнику артиллерии Красной армии⁷⁵. В состав ГАУ входили восемь управлений: организационно-плановое; заказов и производства стрелкового вооружения; заказов и производства вооружения наземной артиллерии; заказов и производства зенитной артиллерии; заказов и производства минометного вооружения; снабжения артвооружением и ремонта; снабжения боеприпасами; артиллерийский комитет. Без существенных изменений организация ГАУ сохранилась до 1943 г. 18 сентября 1943 г. был утвержден штат, по которому сформированы три новых управления: ремонта вооружения, материально-технического обеспечения и финансово-плановое. С учетом произведенных изменений штат ГАУ на 1 апреля 1945 г. включал: начальника и шестерых его заместителей, артиллерийский комитет, 15 управлений⁷⁶.

В целях улучшения руководства подготовкой, подбором и расстановкой кадров начальствующего состава артиллерии Красной армии приказом НКО от 20 сентября 1941 г. были сформированы Управление военно-учебных заведений и Управление кадров⁷⁷. В связи с возникшими проблемами централизованного руководства созданием новых и реформированием частей артиллерии приказом НКО от 7 сентября 1941 г. в составе Главного управления начальника артиллерии было создано Управление формирования и укомплектования артиллерии. 14 января 1942 г. была введена должность заместителя начальника артиллерии по формированию частей и соединений артиллерии, которому подчинялись Управление формирования и укомплектования частей артиллерии и Управление боевой подготовки наземной и войсковой зенитной артиллерии⁷⁸.

Приказом НКО от 20 сентября 1941 г. была восстановлена должность начальника артиллерии фронта, округа и армии, а артиллерийские управления переименованы в управления начальника артиллерии фронта, округа и армии⁷⁹. В целях улучшения и повышения ответственности артиллерийских начальников за боевую подготовку и боевое применение артиллерии приказом НКО от 18 ноября 1942 г. вместо должности начальника артиллерии Красной армии (фронта, армии, корпуса) была введена должность командующего артиллерией Красной армии (фронта, армии, корпуса)⁸⁰. При командующем артиллерией Красной армии 29 апреля 1943 г. был создан Военный совет в составе: маршала артиллерии Н. Н. Воронова, генерал-полковника артиллерии Н. Д. Яковлева, генерал-майоров артиллерии П. А. Дегтярёва, Л. М. Гайдукова и И. С. Прочко⁸¹. В январе 1944 г. командующие артиллерией фронтов и армий были введены в состав военных советов фронтов и армий⁸². Им были предоставлены большие права. Как отмечал Н. Н. Воронов: «Артиллерийские командиры впервые в истории отечественных вооруженных сил стали полновластными начальниками подчиненных частей и несли теперь в полном объеме ответственность за их боевые действия»⁸³.

Опыт первого года войны показал, что сложившаяся система подготовки и формирования артиллерийских частей в округах не соответствовала создавшимся условиям и требованиям войны. Необходимо было создать такие органы боевой подготовки и формирования, которые бы непосредственно подчинялись Управлению формирования артиллерии, обладали мощной материально-учебной базой и соответствующим управленческим аппаратом, способным обеспечить качественное укомплектование и обучение частей и соединений артиллерии РВГК.

Таковыми органами формирования и подготовки артиллерийских частей и соединений стали учебные артиллерийские центры. В соответствии с приказом НКО СССР от 18 мая 1942 г. были сформированы Московский, Гороховецкий и Сталинградский⁸⁴, а 2 июня — учебный центр зенитной артиллерии войск в Москве⁸⁵. В апреле 1943 г. существующие артиллерийские центры были преобразованы в учебные артиллерийские лагеря и еще три сформированы дополнительно — Рыбинский, Тамбовский и Пензенский (последний — зенитной артиллерии). В марте 1944 г. был создан также Лужский лагерь, который в августе 1944 г. преобразован в учебный лагерь гвардейских минометных частей⁸⁶.

Командир орудия Е. Ержазаров с расчётом за разработкой карточки противотанкового огня

Курсанты артиллерийского училища на занятиях по огневой подготовке

Колонна «катюш» направляется на передовую

В связи со стремительным наступлением советских войск на запад учебные артиллерийские лагеря приказом НКО от 14 ноября 1943 г. были передислоцированы ближе к фронту, что способствовало улучшению управления боевой подготовкой артиллерийских частей и соединений, снижению объема железнодорожных перевозок и, в конечном счете, сокращению сроков переформирования и доукомплектования. В 1944–1945 гг. были сформированы Брестский, Брянский, Волчанский, Житомирский, Львовский, Каунасский учебные артиллерийские лагеря.

Для повышения оперативного руководства и контроля над боевой деятельностью частей противовоздушной обороны войск Красной армии, повышения их эффективности в боях и установления единых мероприятий по их боевому применению с лета 1942 г. они стали подчиняться начальнику артиллерии Красной армии. В штаб артиллерии был введен Отдел противовоздушной обороны войск Красной армии⁸⁷, который приказом НКО от 18 ноября 1942 г. переформирован в Управление противовоздушной обороны войск Красной армии⁸⁸.

В годы войны создавались и широко применялись новые виды вооружения, в том числе артиллерийского. В связи с этим требовалась разработка способов применения такого вооружения, руководство его созданием и производством. Уже в июле 1941 г. при ГАУ Красной армии был образован Отдел специального артиллерийского вооружения. На него возлагались следующие задачи: формирование и боевая подготовка спецчастей, вооруженных боевыми машинами М-8 и М-13, и инспектирование частей; обеспечение вновь формируемых подразделений материальной частью и специальным артиллерийским вооружением; организация производства и приемка материальной части, специальных артиллерийских выстрелов; снабжение действующих на фронте войск материальной частью и боеприпасами⁸⁹.

Учитывая необходимость быстреего развития реактивной артиллерии и ее всестороннего обеспечения, гвардейские минометные части (ГМЧ) постановлением ГКО «О минометных частях М-8 и М-13» 8 сентября 1941 г. были выведены из состава ГАУ и подчинены непосредственно Ставке ВГК⁹⁰, а также созданы органы их управления. Командующим ГМЧ был назначен военный инженер 1 ранга В. В. Аборенков, с 4 мая 1942 г. ставший заместителем народного комиссара обороны. Штаб формирования и укомплектования ГМЧ располагался в поселке Алабино под Москвой.

Для оперативного руководства и боевого использования гвардейских минометных дивизионов, приданных фронтам и армиям, приказом НКО от 11 января 1942 г. были созданы «Оперативные группы минометных частей фронтов и армий», которые подчинялись командующему минометными частями⁹¹. Создание органов управления ГМЧ позволяло Ставке ВГК держать части в высокой степени боевой готовности, маневрировать ими и массированно применять на решающих участках фронта. К концу 1942 г. реактивная артиллерия в действующей армии была представлена четырьмя гвардейскими минометными дивизиями, восемью полками и 72 отдельными дивизионами⁹².

Количественно и качественно реактивная артиллерия во время войны непрерывно росла, и к 1945 г. ее удельный вес в артиллерии РВГК достигал 13–14%. В составе ГМЧ насчитывалось 38 отдельных дивизионов, 114 полков, 11 бригад и семь дивизий реактивной артиллерии⁹³. В апреле 1943 г. в целях объединения руководства всеми артиллерийскими средствами Красной армии в одних руках, более тесного взаимодействия артиллерии с гвардейскими минометными частями и рационального использования артиллерийских кадров постановлением ГКО гвардейские минометные части были подчинены непосредственно командующему артиллерией Красной армии⁹⁴.

Командующий гвардейскими минометными частями, являвшийся одновременно заместителем командующего артиллерией Красной армии, отвечал за организацию частей и их правильное боевое использование, боевую подготовку, сохранение материальной части и боеприпасов, обеспечение кадрами и снабжение вооружением, снаряжением и боеприпасами⁹⁵. Штаб ГМЧ был переформирован в отдел и введен в штаб артиллерии. Училища ГМЧ, запасные части и штаб формирований переданы в соответствующие управления командующего артиллерией⁹⁶.

С бурным развитием бронетанковых войск и артиллерии, созданием крупных танковых соединений и объединений, опытом их применения в ходе войны возникла необходимость иметь самоходную артиллерию, защищенную броней и способную сопровождать стрелковые и танковые соединения на всю глубину операции, находясь непосредственно в боевых порядках этих войск. Уже 2 декабря 1942 г. было принято решение о расширении производства самоходных артиллерийских установок и оснащении ими войск⁹⁷. Еще в ноябре 1942 г. был сформирован учебный центр самоходной артиллерии, дислоцированный в Москве. Для руководства организацией, подготовкой и формированием частей самоходной артиллерии было сформировано Управление механической тяги и самоходной артиллерии в составе ГАУ⁹⁸. За период с января по май 1943 г. было подготовлено и отправлено в действующую армию 22 полка самоходной артиллерии⁹⁹. На основании постановления ГКО от 14 апреля 1943 г. приказом НКО от 23 апреля 1943 г. самоходная артиллерия была передана в ведение командующего БТ и МВ, которому переданы Управление самоходной артиллерии, учебный центр, учебные полки и службы¹⁰⁰.

В целях изучения опыта действий артиллерии на фронтах и передачи его артиллерийским частям и соединениям в феврале 1943 г. в составе Главного управления командующего артиллерией Красной армии был создан Отдел по изучению опыта и истории артиллерии в Отечественной войне¹⁰¹. Увеличение возможностей экономики СССР способствовало существенному качественному и количественному росту артиллерии всех видов. Развитие материальной части артиллерии шло от модернизации старых образцов до создания новых, более совершенных. Нарастание объема производства вооружения и военной техники

позволили в 1943 г. обеспечить потребность действующей армии, быстро восстанавливать боеспособность войск, восполнять потери в ходе операций.

К началу 1945 г. в составе Красной армии было 89 артиллерийских дивизий и дивизий реактивной артиллерии, 138 артиллерийских, истребительно-противотанковых, минометных бригад и бригад реактивной артиллерии. Артиллерия РККА увеличилась по минометам — почти в 17 раз, по орудиям — более чем в 5 раз, здесь находилось 35% всех орудий и минометов¹⁰². Усиление боевого состава, развитие организационной структуры артиллерии осуществлялось по пути роста количества и повышения качества артиллерийских систем, укрупнения частей и соединений, улучшения управления ими. Это обеспечивало маневр крупными артиллерийскими соединениями и позволяло Ставке ВГК, командующему артиллерией Красной армии и командующим фронтами массировать артиллерию на главных направлениях и создавать ее высокие оперативные плотности на участках прорыва. В силу этого артиллерия стала не только тактическим, но и оперативным средством Ставки ВГК, она являлась главной огневой силой Красной армии, основным средством подавления и уничтожения противника во всех видах боевых действий — «богом войны».

Главное управление Военно-воздушных сил Красной армии (ГУ ВВС КА). Развитие и совершенствование авиации накануне нападения Германии на СССР осуществлялось на основе положений и выводов советской военной науки о характере вероятного вооруженного противостояния и в соответствии с опытом Советско-финляндской войны 1939–1940 гг. и военных кампаний Второй мировой войны в Европе.

Для централизации руководства ВВС постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 21 июня 1940 г.¹⁰³ было создано Главное управление Военно-воздушных сил Красной армии как центральный орган Наркомата обороны, подчинявшийся непосредственно наркомату обороны¹⁰⁴. Основными его функциями являлись: руководство боевой и политической подготовкой ВВС; разработка способов боевого применения авиационных соединений; совершенствование методов их управления; разработка организации частей и соединений; руководство военно-учебными заведениями ВВС; подбор и учет начальствующего состава; управление службами технического, аэродромного и тылового обеспечения ВВС.

Главное управление ВВС Красной армии состояло из штаба и управлений: боевой подготовки, военно-учебных заведений, штурманской службы, кадров, младшего и летно-технического состава, строительства и эксплуатации аэродромов, опытного строительства, технической эксплуатации, заказов вооружения, авиации дальнего действия, а также отделов: мобилизационно-планового, горюче-смазочных материалов и других¹⁰⁵.

Начальником Главного управления ВВС 12 августа 1940 г. был назначен генерал-лейтенант авиации П. В. Рычагов¹⁰⁶, которого 12 апреля 1941 г. сменил генерал-лейтенант авиации П. Ф. Жигарев¹⁰⁷. Его заместителем стал генерал-майор Ф. Я. Фалалеев, начальником штаба — генерал-майор П. С. Володин, военным комиссаром — корпусной комиссар П. С. Степанов. Следует заметить, что за 3,5 предвоенных года сменились пять начальников Главного управления ВВС, причем сроки их пребывания на этом посту имели тенденцию к сокращению. А. Д. Локтионов пробыл на должности около двух лет, Я. В. Смушкевич — около года, П. В. Рычагов — полгода, П. Ф. Жигарев вступил в должность начальника ВВС менее чем за месяц до начала войны¹⁰⁸. Естественно, что за столь короткое время трудно овладеть таким сложным и быстро растущим «хозяйством», тем более в условиях войны.

Накануне войны ВВС Красной армии состояли: из дальней бомбардировочной авиации Главного командования (составлявшей 13,5% от всей авиации), фронтовой авиации (ВВС округов — 40,5%), армейской (ВВС армий — 43,7%), войсковой (корпусные эскадрильи — 2,3%)¹⁰⁹.

Нападение нацистской Германии на СССР, мощные авиационные удары по аэродромам западных приграничных военных округов, стремительное продвижение группировок германского вермахта в глубь территории страны заставили советское командование срочно искать решения по противодействию ударам люфтваффе и остановке ударных группировок вермахта. Одна из первых директив Ставки Главного командования от 24 июня 1941 г. предписывала

«в целях предупреждения и срыва авиационного удара на Ленинград, намеченного немецким командованием в Финляндии», 25 июня начать операцию советской авиации по аэродромам Финляндии и Северной Норвегии¹¹⁰. Планирование воздушной операции осуществляло Главное управление ВВС Красной армии, а управление авиацией — командующий ВВС Северного фронта генерал-лейтенант авиации А. А. Новиков. Операция продолжалась шесть дней, в ней приняло участие 236 бомбардировщиков и 224 истребителя¹¹¹.

Вследствие больших потерь советской авиации в первые дни войны, соотношение сил на советско-германском фронте резко изменилось в пользу противника. Немецкая авиация захватила стратегическое господство в воздухе. Боевой опыт вскрыл несоответствие организационных структур органов управления ВВС армий, фронтов и Главного управления ВВС. Проявился разрыв в управлении ВВС фронтов, армий и Главным управлением ВВС Красной армии.

В такой критической обстановке 29 июня 1941 г. Ставка Главного командования своими приказами учредила должность командующего Военно-воздушными силами Красной армии и Военного совета при нем. Командующим был назначен генерал-лейтенант авиации П. Ф. Жигарев¹¹². Постановлением СНК СССР от 20 июля он стал заместителем наркома обороны по авиации. Командующему ВВС подчинялись штаб ВВС (генерал-майор Г. А. Ворожейкин) и Главное управление ВВС (генерал-майор И. Ф. Петров). Введение должности командующего ВВС, создание Военного совета и штаба ВВС позволило укрепить командно-оперативные функции ВВС.

Для улучшения руководства подготовкой резервов ВВС в августе 1941 г. было создано Управление формирования и укомплектования ВВС, введена должность заместителя командующего ВВС, которому подчинялись Управление боевой подготовки и Управление формирований и укомплектования ВВС. Было сформировано Управление эксплуатации и ремонта ВВС¹¹³. В это же время было создано Управление устройства тыла и назначен начальник тыла ВВС — заместитель командующего по тылу генерал-майор Н. А. Соколов-Соколёнок¹¹⁴. В состав штаба ВВС дополнительно были введены отделы: штурманской службы, авиадесантный, по изучению и использованию опыта войны и группа авиационных офицеров Генерального штаба на правах отдела из расчета по три человека на фронт. При командующем ВВС была сформирована инспекция¹¹⁵. В целях централизации руководства формированием новых авиационных соединений и частей, а также подготовкой авиационных кадров различных категорий 10 февраля 1942 г. было образовано Главное управление формирования и укомплектования ВВС, которое объединило три управления: укомплектования, боевой подготовки и военно-учебных заведений¹¹⁶.

Изменение оперативно-стратегической обстановки в ходе зимней кампании 1941—1942 гг. потребовало перестройки руководства ВВС. 25 февраля 1942 г. народным комиссаром обороны была утверждена новая структура управления Военно-воздушными силами Красной армии. В штабе существующие отделы были развернуты в управления: оперативное, разведывательное, организационно-мобилизационное, связи. Главное управление ВВС Красной армии включало главные управления: заказов и технического снабжения, обучения, формирования и укомплектования, а также управления: главного инженера, начальника тыла, кадров¹¹⁷.

Одновременно с этим усиливалось и командование ВВС Красной армии. 12 апреля 1942 г. вместо П. Ф. Жигарева командующим Военно-воздушными силами Красной армии был назначен генерал-лейтенант авиации А. А. Новиков¹¹⁸, который с 7 февраля 1942 г. являлся первым заместителем командующего ВВС. 26 апреля постановлением СНК СССР он одновременно занял должность заместителя народного комиссара обороны по авиации¹¹⁹. Начальником штаба 2 мая вновь стал генерал-майор С. А. Худяков¹²⁰, который в декабре 1942 г. был назначен членом Военного совета ВВС¹²¹. Первым заместителем командующего ВВС 13 ноября 1942 г. был утвержден генерал-лейтенант Ф. Я. Фалалеев. По решению ГКО 18 марта 1943 г. членом Военного совета ВВС был назначен генерал-лейтенант Н. С. Шиманов, одновременно исполнявший обязанности заведующего авиационным отделом ЦК ВКП(б)¹²².

П. Ф. Жигарев

А. Е. Голованов

В. С. Молоков

Командование ВВС Красной армии и командующие воздушными армиями.
В центре (сидят) — нарком авиационной промышленности А. И. Шахурин и командующий ВВС А. А. Новиков

С самого начала войны перед командованием ВВС встала проблема подготовки авиационных резервов. По приказам Ставки ВВС фронтов и армий усиливались за счет соединений и частей внутренних округов. До 1 декабря 1941 г. в действующую армию было отправлено 45 авиадивизий и значительное количество полков и отдельных эскадрилий¹²³. Однако и такое усиление ВВС фронтов не решало проблемы. Потери превосходили поступающее пополнение.

Для решения задач ВВС фронтов Ставка ВГК широко использовала соединения дальнебомбардировочной авиации (ДБА). С 22 июня по 31 декабря 1941 г. ДБА произвела 74% всех самолето-вылетов в интересах непосредственной поддержки войск на поле боя и лишь 16,5% для ударов в тылу противника¹²⁴.

В августе 1941 г. Главное управление ВВС приступило к созданию резервных авиационных групп (РАГ) в составе 4–8 авиаполков по 80–160 самолетов каждая. К концу 1941 г. было создано шесть таких групп, которые использовались Ставкой для наращивания усилий фронтов¹²⁵.

В битве под Москвой боевые действия ВВС Западного, Калининского, Юго-Западного фронтов, Московской зоны обороны, авиационных групп резерва и соединений ДБА координировали командующий ВВС генерал-лейтенант авиации П. Ф. Жигарев и его штаб.

Для усиления ВВС фронтов с 3 марта 1942 г. по постановлению ГКО началось формирование более мощных ударных авиационных групп (УАГ), которых к маю было создано 10 (по 100–120 самолетов)¹²⁶. Руководство этими группами, как правило, осуществлялось членами Военного совета ВВС.

Военный совет ВВС продолжал поиски оптимальных организационных структур мощных авиационных резервов. С 1 июля 1942 г. было развернуто формирование двух истребительных и одной бомбардировочной армий. Однако практически была сформирована и приняла участие в боевых действиях только 1-я истребительная авиационная армия (около 280 истребителей)¹²⁷. Боевой опыт показал нецелесообразность такой организации резервов, поэтому было принято решение на базе этих армий и ударных авиационных групп создавать авиаци-

онные корпуса резерва Ставки ВГК. Главное управление ВВС сформировало 30 авиационных корпусов и 27 отдельных авиадивизий резерва ВГК однородного состава. Их удельный вес в составе ВВС доходил до 43%¹²⁸. Авиационные корпуса оказались наиболее приемлемой структурой резервов Ставки. Они позволяли надежно управлять соединениями, осуществлять широкий маневр авиацией и резко менять соотношение сил в воздухе в свою пользу.

Боевой опыт 1941 г. показал, что созданием импровизированных групп и усилением ими ВВС фронтов и армий проблему централизованного управления авиацией полностью решить нельзя. Командующий ВВС генерал-лейтенант П. Ф. Жигарев 15 марта 1942 г. докладывал председателю ГКО И. В. Сталину о необходимости свести всю авиацию фронта в крупные организационные единицы с единым командованием¹²⁹. В приказе НКО от 5 мая 1942 г. отмечалось: «В целях наращивания ударной силы авиации и успешного применения массированных авиаударов, объединить авиасилы Западного фронта в единую воздушную армию, присвоив ей наименование 1-й воздушной армии»¹³⁰. Воздушные армии фронтов включали по 3–4 авиадивизии и имели 800–3000 самолетов¹³¹. Всего в 1942 г. было сформировано 17 воздушных армий¹³². Такая организация авиационных объединений оказалась самой удачной и эффективной в управлении. Значительно расширились функции штаба ВВС, особенно в вопросах руководства штабами воздушных армий в части подготовки их как органов управления.

По вопросам организации и ведения боевых действий авиацией командующие воздушными армиями непосредственно подчинялись командующим войсками фронтов, а по вопросам комплектования, боевой подготовки, аэродромного и материального обеспечения — командующему ВВС Красной армии.

Объединение в составе воздушной армии всей авиации, имевшейся у фронта, способствовало централизованному управлению ею и применению для решения задач на главных направлениях действий войск фронта. В стратегических операциях ВВС фронта взаимодействовали с авиацией соседних фронтов, авиацией дальнего действия и ПВО по единым планам и под командованием ВВС Красной армии.

Для централизации руководства частями переподготовки, повышения профессиональных качеств пилотов действующей армии приказом НКО от 8 января 1943 г. было создано Главное управление боевой подготовки фронтовой авиации¹³³. Оно предназначалось для обучения кадров авиационных соединений и частей резерва Ставки и их штабов боевому применению самолетов всех типов, взаимодействию родов авиации между собой и с наземными войсками. В апреле 1943 г. была сформирована Инспекция ВВС, которая непосредственно подчинялась командующему ВВС Красной армии¹³⁴.

К концу войны центральными органами ВВС Красной армии являлись: командование (командующий ВВС и два его заместителя), Военный совет, штаб ВВС (в составе управлений: оперативного организационно-мобилизационного, разведывательного, штурманской службы и службы земного обеспечения самолетовождения, а также отделов: химической службы, метеослужбы, специальной связи, по изучению и обобщению опыта войны), главные управления (заказов и технического снабжения, авиационной службы, формирования и боевой подготовки ВВС, боевой подготовки фронтовой авиации), управления (кадров, импортное, финансовое), тыл ВВС и другие.

Таким образом, совершенствование структуры и функций органов руководства Военно-воздушными силами осуществлялось в направлении совершенствования оперативного управления и эффективного использования их в войне.

Реорганизация системы управления коснулась и такого компонента ВВС Красной армии, как Дальнебомбардировочная авиация Главного командования. Она предназначалась прежде всего для подрыва военно-экономической мощи противника ударами авиации по объектам его глубокого тыла¹³⁵. 23 октября 1940 г. приказом НКО была введена должность помощника начальника Главного управления командующего ВВС по ДБА, на которую назначен генерал-лейтенант авиации И. И. Проскуров¹³⁶. Спустя две недели, 6 ноября 1940 г., в составе Главного управления ВВС было сформировано 12-е управление дальнебомбардировочной авиации¹³⁷. С апреля 1941 г. начальником управления стал полковник Л. А. Горбачевич.

Курсанты военного авиационного училища на занятиях

Командир звена ставит задачу слушателям школы военных пилотов

Накануне войны ДБА организационно включала пять авиационных корпусов, три отдельные дивизии, один отдельный авиационный полк и насчитывала до 1800 самолетов. С начала войны проявился кризис управления дальнебомбардировочной авиацией. Ставка ГК передала большинство соединений на усиление ВВС фронтов. В первые 13 дней войны задачи ДБА ставили народный комиссар обороны, начальник ВВС и командующие войсками фронтов. И лишь 4 июля директивой Ставки было решено «постановку задач ДБ авиации возложить на начальника Генерального штаба лично». Директиву подписал начальник Генерального штаба генерал армии Г. К. Жуков¹³⁸.

Процесс переподчинения и реформирования соединений ДБА не прерывал боевой деятельности авиации, продолжавшей, согласно директивам Ставки, наносить удары по объектам в глубине обороны противника. При крайне незначительном восполнении потерь самолетный парк быстро уменьшался. По состоянию на 10 июля ДБА насчитывала только 515 исправных самолетов, а в октябре 1941 г. — 275¹³⁹. В такой обстановке Государственный Комитет Обороны своим постановлением от 5 марта 1942 г. преобразовал соединения и части дальнебомбардировочной авиации в авиацию дальнего действия (АДД) с подчинением ее непосредственно Ставке ВГК¹⁴⁰. Командующим АДД был назначен генерал-майор авиации А. Е. Голованов¹⁴¹.

Основным органом оперативного управления являлся штаб АДД, который размещался в помещении Военной академии имени Н. Е. Жуковского в Москве. Он состоял из отделов: оперативного, разведывательного, штурманского, метеослужбы, связи, санитарного, химического и восьмого. В управление командующего входили: отделы обучения, формирования и укомплектования, кадров, финансовый, служба тыла, инспекция АДД¹⁴².

Командование АДД по директивам Ставки планировало и проводило удары (операции) по объектам в тылу противника, а также привлекало соединения для усиления фронтовой авиации. Возросший объем задач потребовал усиления мощи авиационных ударов по объектам противника. 30 апреля 1943 г. по предложению генерала А. Е. Голованова ГКО принял постановление «О формировании авиакорпусов в составе АДД при Ставке ВГК». Вместо имевшихся 11 отдельных авиационных дивизий было сформировано восемь корпусов¹⁴³, а количество самолетов в составе АДД доведено до 700¹⁴⁴. Авиационные корпуса оказались наиболее приемлемой организационной структурой авиации, маневренным средством дальнего действия, управляемым штабом АДД.

По мере продвижения советских войск на запад АДД стала больше использоваться в оперативной и тактической глубине в интересах фронтов и армий. В целях улучшения организации оперативного управления АДД и более тесного взаимодействия с воздушными армиями фронтов по предложению Военного совета ВВС Красной армии 6 декабря 1944 г. авиация дальнего действия была преобразована в 18-ю воздушную армию (командующий — главный маршал авиации А. Е. Голованов) и передана в подчинение командующего ВВС¹⁴⁵. В боевой состав армии входило пять бомбардировочных авиационных корпусов и четыре отдельные авиадивизии¹⁴⁶. На 15 декабря 1944 г. армия насчитывала 1364 исправных самолета (общее число — 1421) семи типов¹⁴⁷. Командный пункт находился в Бресте. Это позволяло командованию ВВС применять дальние бомбардировщики массированно на главных направлениях в стратегических операциях.

Вместе с авиаторами ВВС Красной армии и флота воевали и летчики Гражданского воздушного флота. Первым шагом к усилению ВВС Красной армии было постановление СНК СССР от 23 июня 1941 г. об оперативном подчинении Гражданского воздушного флота (ГВФ) Наркомату обороны СССР. На Главное управление ГВФ возлагались функции: административного руководства, материально-технического оснащения и финансирования ГВФ. 9 июля 1941 г. приказом НКО объявлялось: «Личный состав ГВФ, непосредственно зачисленный в особые авиационные группы ГВФ, считать призванными в Красную армию, и на них распространяются все права и преимущества для военнослужащих Красной армии»¹⁴⁸. Основной задачей Главного управления ГВФ, согласно положению на военное время, являлось обеспечение воздушно-транспортных перевозок частей Красной армии

Проверка радиосвязи в истребителе P-63 «Кингкобра» перед перегоном в СССР в рамках поставок по ленд-лизу

Советские и американские летчики на Аляске

и Военно-морского флота. Для выполнения этих задач было сформировано шесть авиагрупп ГВФ особого назначения (Северная, Прибалтийская, Белорусская, Киевская, Юго-Западная, Московская), в оперативном отношении они подчинялись командующим ВВС фронтов, а три авиаотряда (Северный, Балтийский, Черноморский) предназначались для обеспечения Военно-морского флота СССР¹⁴⁹.

Необходимость усиления авиационной мощи потребовала сосредоточения всех компонентов ВВС под единым руководством. Постановлением ГКО от 26 апреля 1942 г. Главное управление Гражданского воздушного флота во всех отношениях было подчинено командующему Военно-воздушными силами Красной армии¹⁵⁰. Основными функциями Главного управления ГВФ являлись: руководство деятельностью частей и соединений ГВФ, обслуживающих Красную армию и ВМФ воздушными перевозками на фронте и в тылу; выполнение особых заданий ГКО по перевозкам людей и грузов; планирование и осуществление мероприятий по десантированию войск и отдельных групп в тылу противника; подготовка пилотов и специалистов для гражданской авиации; руководство ремонтными и обслуживающими службами, обеспечивающими нормальную деятельность ГВФ.

Организационно Главное управление ГВФ состояло из десяти управлений: политического, эксплуатационного, ремонтно-технического, связи и сигнализации, капитального строительства, планово-финансового, центрального снабжения, кадров, учебных заведений и боевой подготовки, управления делами, а также четырех самостоятельных отделов¹⁵¹. Данная структура способствовала твердому управлению, своевременному снабжению и техническому обслуживанию соединений и частей ГВФ и их эффективному применению.

В целях сокращения управленческого аппарата 22 августа 1943 г. Главное управление ГВФ перешло в подчинение командования авиации дальнего действия¹⁵², где и действовало до 27 ноября 1944 г., когда вышло постановление ГКО «О слиянии АДД с ВВС и выделении гражданской авиации в самостоятельную организацию»¹⁵³.

Одной из специфических функций командования ВВС Красной армии было руководство доставкой самолетов из США в СССР. В Главном управлении ГВФ 1 августа 1942 г. было создано Управление Красноярской воздушной трассы для перегонки самолетов от Уэлькаль (Аляска, США) до Красноярска. Перегонку самолетов осуществляла 1-я перегоночная авиационная бригада¹⁵⁴. Впоследствии с расширением объема поставок и приобретением опыта работы постановлением ГКО от 11 июня 1943 г. было сформировано Управление воздушной магистрали Москва — Уэлькаль, которому подчинялась воздушная трасса Красноярск — Уэлькаль. 1-я перегоночная авиационная бригада была переформирована в 1-ю перегоночную авиационную дивизию (пять авиаполков)¹⁵⁵. До конца войны своим ходом (перелетом по воздуху) было доставлено 7928 самолетов¹⁵⁶.

Война убедительно показала, что жесткая централизация управления оперативными объединениями фронтовой авиации, авиацией дальнего действия и авиационными резервами ВГК в руках старшего авиационного начальника явилась наиболее эффективной формой управления ВВС Красной армии. Она обеспечивала сосредоточение авиационных сил на нужном направлении и четкую координацию действий, своевременное перенацеливание и высокую результативность действий Военно-воздушных сил.

В годы Великой Отечественной войны ВВС Красной армии внесли достойный вклад в дело разгрома врага. Создание сильной бомбардировочной, штурмовой и истребительной авиации, сведенной в крупные организационные формы, способствовало проведению самостоятельных воздушных операций крупного масштаба. Изменилось место авиации в общей системе Вооруженных сил СССР: по численности личного состава ВВС заняли второе место после сухопутных войск.

ВВС Красной армии наращивали свою ударную мощь за счет количественного и качественного обновления самолетного парка. К концу войны в действующей армии было уже 155 авиационных дивизий, а авиационный парк вырос в четыре раза и насчитывал 22,3 тыс. боевых самолетов. В годы войны было сформировано 17 воздушных армий фронтовой авиации, а затем и воздушная армия авиации дальнего действия. Количественный и качественный

состав воздушных армий неуклонно повышался, и в 1944—1945 гг. они имели около 1,5 тыс. самолетов, а в отдельных операциях — 2,5—3 тыс. самолетов за счет усиления резервами Ставки. К началу 1945 г. в резерве Ставки ВГК было сформировано 30 авиационных корпусов и 27 отдельных дивизий¹⁵⁷.

Централизация управления авиацией в масштабе страны позволяла командующему ВВС Красной армии обеспечивать сосредоточение усилий авиации на решении наиболее важных задач на любом направлении, исходя из боевых возможностей, замысла операций и характера действий противника, своевременно реагировать на все изменения стратегической обстановки. Однако при отсутствии достаточно мощной авиации дальнего действия массированные удары по важнейшим объектам противника в глубоком тылу наносились эпизодически и недостаточно эффективно.

Главное управление противовоздушной обороны Красной армии (ГУ ПВО КА). Развитие войск противовоздушной обороны СССР накануне Великой Отечественной войны осуществлялось в соответствии с увеличением средств воздушного нападения, особенно бомбардировочной авиации вероятного противника. Главное управление противовоздушной обороны Красной армии было образовано приказом НКО от 27 декабря 1940 г. на базе Управления противовоздушной обороны РККА¹⁵⁸. Главное управление ПВО являлось центральным органом управления Народного комиссариата обороны и согласно приказу НКО от 15 марта 1941 г. подчинялось начальнику Генерального штаба¹⁵⁹. 14 июня вместо Г. М. Штерна начальником Главного управления ПВО был назначен генерал-полковник артиллерии Н. Н. Воронов.

На начальника Главного управления возлагались руководство организацией противовоздушной обороны территории страны и разработка вопросов технического вооружения и использования всех средств ПВО: зенитной артиллерии, зенитных пулеметов, истребительной авиации, выделенной для ПВО, прожекторов, аэростатов заграждения и службы ВНОС¹⁶⁰.

На основании постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Об усилении противовоздушной обороны СССР» в феврале 1941 г. «угрожаемая по воздушному нападению территория СССР» была разделена на зоны, районы и пункты ПВО. В зоны противовоздушной обороны (их было 13 по числу и в границах военных округов) входили все средства ПВО: истребительная авиация, зенитные части и средства ВНОС, выделенные для защиты пунктов, объектов, сооружений и мостов на территории соответствующего округа. Руководство противовоздушной обороной возлагалось: в центре — на начальника Главного управления ПВО Красной армии; в военных округах — на помощника командующего войсками округа по противовоздушной обороне территории округа, он же являлся командующим соответствующей зоной ПВО, подчиняясь во всех отношениях командующему войсками округа¹⁶¹.

Группировка войск ПВО располагалась в угрожаемой зоне вдоль западной границы и в Закавказье на глубину 500—600 км. Здесь находились 90% всей зенитной артиллерии и почти вся истребительная авиация, выделенная для решения задач ПВО. Всего к началу войны в составе войск ПВО имелось: корпусов ПВО — 3, дивизий — 2, отдельных бригад — 9, полков — 28, дивизионов — 109, полков ВНОС — 6, батальонов ВНОС — 35 и ряд других частей. Из состава ВВС было выделено 40 истребительных авиационных полков¹⁶².

В целом система противовоздушной обороны СССР перед началом Великой Отечественной войны, по оценкам руководства Наркомата обороны, отвечала уровню развития советской военной науки и состоянию средств воздушного нападения противника. Вместе с тем она имела и серьезные недостатки: отсутствовало единое управление войсками ПВО (прежде всего это относилось к авиации, которая не была полностью подчинена командованию ПВО), ряд частей и соединений имел некомплект вооружения и личного состава; управление силами и средствами ПВО в округах в основном опиралось на проводные линии связи; части ВНОС были обеспечены радиостанциями на 20—25%, личный состав радиосвязью пользовался слабо¹⁶³. И главное, система ПВО не была приведена в полную боевую готовность. Функциями оперативного руководства войсками ПВО территории страны ведал Генеральный штаб, а не Главное управление ПВО. Именно этим можно объяснить тот факт, что с началом войны генерал Н. Н. Воронов, находясь в своем московском служебном кабинете, так и не дождался

Н. Н. Нагорный

Летчицы 586-го истребительного авиаполка обсуждают прошедший боевой вылет у самолета Як-1

сигнала на применение войск ПВО¹⁶⁴. Только к исходу второго дня войны противовоздушная оборона объектов и пунктов, расположенных в 500–600-километровой полосе, а также ПВО Москвы и Баку были готовы к отражению воздушного противника¹⁶⁵.

Вероломное нападение нацистской Германии на СССР поставило войска ПВО в тяжелое положение. В результате массированных ударов противника с воздуха по аэродромам и ожесточенных воздушных боев ВВС западных военных округов в первые дни войны понесли огромные потери, вследствие чего вражеская авиация завоевала господство в воздухе, а частям зенитной артиллерии ПВО пришлось отражать налеты без должной поддержки истребителей.

Учитывая, что имеющимися силами ПВО невозможно было в необходимой степени прикрывать все объекты даже в угрожаемой зоне, основные усилия войск ПВО концентрировались на защите крупных городов СССР: Москвы, Ленинграда, Баку, Горького и других. Главное внимание командования было сосредоточено на воздушной обороне Москвы. Постановление ГКО от 9 июля 1941 г. «О противовоздушной обороне Москвы»¹⁶⁶ было направлено на принятие мер по увеличению сил и средств ПВО столицы. В результате противовоздушная оборона города позволила успешно отражать воздушные нападения врага и сохранить город от разрушений. Аналогичные мероприятия проводились и по усилению ПВО Северной столицы в соответствии с постановлением ГКО от 22 июля 1942 г. «О противовоздушной обороне города Ленинграда»¹⁶⁷.

Надежная противовоздушная оборона важнейших центров, районов и объектов страны являлась задачей центрального органа и не могла решаться раздробленными силами ПВО, находящимися в подчинении различных командных инстанций (фронтов, округов, центра). Все это настоятельно требовало объединения усилий всей системы ПВО страны, централизованного управления войсками.

В целях усиления и укрепления противовоздушной обороны территории страны на основании постановления ГКО от 9 ноября 1941 г. войска ПВО Красной армии были изъяты из подчинения военных округов и подчинены народному комиссару обороны. Существовавшие зоны противовоздушной обороны на европейской части территории СССР расформировывались и создавались дивизионные районы ПВО территории страны¹⁶⁸. Для управления войсками ПВО вводилась должность заместителя народного комиссара обороны по противовоздушной обороне и одновременно командующего войсками ПВО территории страны. На эту должность был назначен генерал-лейтенант артиллерии М. С. Громадин. При командующем были созданы: Военный совет, штаб, Управление истребительной авиации, Главное управление ПВО территории страны¹⁶⁹. М. С. Громадину подчинялись командующие дивизионными районами ПВО, Московским корпусным районом ПВО, истребительной авиацией, выделенной для противовоздушной обороны, которая подчинялась командующему войсками ПВО территории страны только в оперативном отношении и лишь в январе 1942 г. была подчинена полностью.

Дальнейшее развитие организационной структуры войск ПВО обуславливалось характером стратегической обстановки на советско-германском фронте, количественным и качественным ростом частей и соединений ПВО. По представлению командующего войсками ПВО страны Государственный Комитет Обороны 5 апреля 1942 г. преобразовал Московский корпусной район ПВО в Московский фронт ПВО, а 2-й и 3-й корпуса ПВО — соответственно в Ленинградскую и Бакинскую армии ПВО¹⁷⁰, которые действовали до конца войны. Это были первые оперативные объединения ПВО в Красной армии. В целях улучшения руководства войсками ПВО приказом НКО от 31 мая 1942 г. Главное управление ПВО территории страны упразднилось, а входящие в него управления и отделы стали подчиняться непосредственно Военному совету войск ПВО территории страны¹⁷¹.

Командующий войсками ПВО страны генерал М. С. Громадин и его штаб, осуществляя непосредственное руководство большим количеством объединений и соединений ПВО, по мнению Ставки ВГК, были не в состоянии обеспечить твердое управление войсками. Поэтому ГКО 29 июня 1943 г. признал необходимым расформировать Управление командующего войсками ПВО территории страны, а контроль за действиями фронтов и зон ПВО

и координацию их действий, а также планирование вооружения и комплектование войск ПВО были возложены на командующего артиллерией Красной армии маршала артиллерии Н. Н. Воронова¹⁷². При нем находились Центральный штаб войск ПВО, Центральный штаб истребительной авиации ПВО, Главная инспекция ПВО, Центральный пост ВНОС, Управление боевой подготовки¹⁷³.

В российской историографии такое решение ГКО оценивается неоднозначно. В ряде трудов говорится, что «нельзя признать целесообразной в проведенной реорганизации органов управления ликвидацию должности командующего войсками ПВО территории страны. Передача его функций командующему артиллерией Красной армии явилась шагом назад в области совершенствования организационной структуры ПВО»¹⁷⁴.

В соответствии с постановлением ГКО от 29 июня 1943 г. были созданы два фронта противовоздушной обороны: Западный — со штабом в Москве (генерал-лейтенант М. С. Громадин) и Восточный — со штабом в Куйбышеве (генерал-лейтенант Г. С. Зашихин). Московский фронт ПВО был преобразован в Особую Московскую армию ПВО, а авиация фронта сведена в 1-ю воздушную истребительную армию ПВО. Дальневосточная, Забайкальская и Среднеазиатская зоны ПВО передавались в подчинение военным советам соответствующих фронтов и округов, Ленинградская армия ПВО и Ладужский дивизионный район ПВО оставались в подчинении Военного совета Ленинградского фронта.

Первоначально это существенно улучшило управление войсками, сделало его более гибким и оперативным, однако по мере увеличения разрыва между соединениями Западного фронта ПВО, продвигавшегося вслед за наступавшими войсками, и соединениями Восточного фронта ПВО, остававшимися на месте, все более отчетливо проявлялись недостатки проведенной реорганизации. Силы и средства ПВО использовались не в полную мощь и с различной боевой нагрузкой. Дальнейший ход войны показал, что подобная группировка войск ПВО себя не оправдала. Поэтому для более эффективного управления войсками ПВО страны и взаимодействия с войсками фронтов на основании постановления ГКО от 29 марта 1944 г.¹⁷⁵ Западный фронт был переформирован в Северный фронт ПВО со штабом в Москве, а Восточный — в Южный фронт ПВО со штабом в Харькове, Закавказская зона ПВО преобразована в Закавказский фронт ПВО со штабом в Тбилиси. В результате руководство фронтами стало более активным, а управление соединениями и объединениями ПВО — более оперативным и результативным.

По мере продвижения советских войск территория Северного и Южного фронтов быстро расширялась на запад и юго-запад, поэтому ряд дивизий и корпусов ПВО перебрасывались из глубины страны за пределы СССР. В соответствии с решаемыми задачами в новых условиях обстановки 24 декабря 1944 г. Северный фронт ПВО был преобразован в Западный со штабом в Вильнюсе, Южный — в Юго-Западный со штабом во Львове. На базе управления Особой Московской армии ПВО был создан Центральный фронт ПВО со штабом в Москве¹⁷⁶. Одновременно Центральный штаб войск ПВО переименовывался в Главный штаб ПВО Красной армии, а Центральный штаб истребительной авиации ПВО — в Главный штаб истребительной авиации ПВО Красной армии. Приморская, Приамурская и Забайкальская армии ПВО со штабами в Ворошилове, Хабаровске и Чите подчинялись военным советам фронтов¹⁷⁷.

Такая организационная структура войск ПВО территории страны обеспечивала не только оперативное и твердое управление соединениями и объединениями, но и позволяла Ставке ВГК осуществлять широкий маневр силами из глубины, конкретизировать ответственность командующих и их штабов за противовоздушную оборону вверенных им стратегических направлений и объектов. Эффективность такой реорганизации подтвердилась всем ходом войны.

Одновременно с качественным переоснащением войск шел и количественный рост. К концу Великой Отечественной войны в боевом составе войск ПВО территории страны было четыре фронта ПВО, шесть отдельных армий, 15 корпусов и 18 дивизий ПВО. Число истребителей возросло в 2,7 раза, зенитных орудий среднего калибра — почти в 3 раза, зенитных орудий малого калибра — более чем в 26 раз, зенитных пулеметов — в 13 раз, при увеличении

общей численности личного состава войск ПВО в 3,5 раза. Насчитывалось радиолокационных станций обнаружения и наведения — 231, станций орудийной наводки — 368¹⁷⁸.

В годы Великой Отечественной войны система оперативно-стратегического управления войсками ПВО территории страны постоянно совершенствовалась. Реформированию подлежали как войска, так и органы руководства в центре и на местах.

Главное военно-инженерное управление Красной армии (ГВИУКА). Как центральный орган Народного комиссариата обороны СССР по руководству боевой и технической подготовкой инженерных войск и укреплению сухопутных границ СССР на базе Военно-инженерного управления Красной армии было создано Главное военно-инженерное управление¹⁷⁹. Начальником ГВИУ приказом НКО от 16 июля 1940 г. был назначен генерал-майор инженерных войск А. Ф. Хренов, а в марте 1941 г. его заменил генерал-майор инженерных войск Л. З. Котляр. А. Ф. Хренов как не справившийся с работой был назначен с понижением — начальником ВИУ Московского военного округа¹⁸⁰. Инспектором инженерных войск Красной армии стал генерал-майор инженерных войск М. П. Воробьев¹⁸¹. Главное военно-инженерное управление состояло из управлений: военно-инженерной подготовки, оборонительного строительства, военно-инженерного снабжения и запасов, кроме того, при нем состоял технический совет. ГВИУ непосредственно подчинялось заместителю народного комиссара обороны Маршалу Советского Союза Б. М. Шапошникову¹⁸².

На основании решения Политбюро ЦК ВКП(б) от 8 марта 1941 г. из состава Главного военно-инженерного управления Красной армии выделялось Управление оборонительного строительства с подчинением заместителю народного комиссара обороны Маршалу Советского Союза Б. М. Шапошникову¹⁸³. Управление руководило строительством укрепленных районов, их эксплуатацией, а также строительством крупных объектов противовоздушной обороны.

За Главным военно-инженерным управлением остались функции: руководство инженерными войсками и подготовкой других родов войск в инженерном отношении; снабжение войск инженерным имуществом и накопление его запасов на случай войны; разработка по указаниям Генерального штаба мероприятий по подготовке территории страны к войне в инженерном отношении; руководство усовершенствованием техники инженерной службы путем разработки тактико-технических требований к новым образцам вооружения, наблюдение за их производством, организация испытаний и вооружение ими Красной армии; разработка программ и наставлений по военно-инженерному делу; руководство военно-инженерными складами¹⁸⁴.

С началом войны ГВИУ продолжало действовать в прежней организации мирного времени. В это время инженерные войска Красной армии оказались в чрезвычайно тяжелом положении. По состоянию на 22 июня к оборонительным работам на западной государственной границе были привлечены 136 дивизионных и 38 корпусных саперных батальонов¹⁸⁵. Они попали под удары авиации, артиллерии и передовых частей противника и понесли огромные потери в людях и технике. Потери инженерных складов, низкая укомплектованность инженерным имуществом саперных частей и подразделений округов создали бедственное положение со снабжением действующей армии.

Формирование новых инженерных частей стало важнейшей задачей Главного военно-инженерного управления. Требовалось срочно развернуть и сформировать сотни новых саперных батальонов для вновь формируемых стрелковых и кавалерийских соединений, а также инженерных частей для других родов войск. Так, по ходатайству начальника ГВИУ в июле 1941 г. Ставкой было разрешено сформировать сверх мобилизационного плана 75 дивизионных и 25 корпусных саперных батальонов¹⁸⁶. В течение июля — декабря 1941 г. было сформировано 911 различных инженерных частей общей численностью 384 334 человека¹⁸⁷.

В период стратегической обороны возникла настоятельная необходимость заблаговременного строительства тыловых оборонительных рубежей. На основании постановления ГКО от 13 ноября 1941 г. были сформированы саперные армии (40 саперных бригад)¹⁸⁸, которые вначале подчинялись Главному управлению оборонительного строительства при

Л. З. Котляр

И. П. Галицкий

А. Я. Калягин

Г. П. Чистяков

НКО СССР, а с 28 ноября 1941 г. — непосредственно начальнику инженерных войск Красной армии. Саперные армии, в свою очередь, служили основной базой для подготовки частей и соединений инженерных войск. Так, по приказу Ставки от 28 ноября 1941 г. из саперных армий было выделено 90 саперных батальонов в резерв ВГК, которые по мере подготовки передавались в действующую армию. К концу 1942 г. саперные армии были расформированы, а 26 саперных бригад переформированы в саперные бригады РВГК.

В связи с развитием самостоятельной боевой деятельности инженерных войск и формированием саперных армий для руководства всеми инженерными войсками и инженерным обеспечением операций постановлением ГКО от 13 октября 1941 г. была введена должность начальника инженерных войск Красной армии¹⁸⁹, на которую был назначен генерал-майор инженерных войск Л. З. Котляр. Управление начальника инженерных войск Красной армии состояло из командования, штаба, Главного военно-инженерного управления (имело три управления: военно-инженерной подготовки, инженерного вооружения, инженерного снабжения), Управления оборонительного строительства, Инженерного комитета, инспекции и отдела кадров. Начальнику инженерных войск также подчинялись Военно-инженерная академия имени В. В. Куйбышева и инженерные училища. Он полностью отвечал за подготовку, подбор и расстановку кадров инженерных войск¹⁹⁰. Во фронтах (армиях) вводилась должность заместителя командующего войсками фронта (армии), являвшегося также начальником инженерных войск фронта (армии). В военных округах восстанавливалась должность начальника инженерных войск, «неправильно ликвидированная в начале войны»¹⁹¹. 25 апреля 1942 г. управление военно-инженерной подготовки ГВИУ было слито со штабом¹⁹².

16 апреля 1942 г. начальником инженерных войск Красной армии был назначен генерал-майор инженерных войск М. П. Воробьёв, а генерал-майор Л. З. Котляр в связи с болезнью занял должность начальника Инспекции инженерных войск¹⁹³. Постановлением СНК от 26 апреля 1942 г. генерал М. П. Воробьёв был назначен заместителем народного комиссара обороны¹⁹⁴.

К концу войны структура Управления начальника инженерных войск Красной армии включала: командование, штаб, Главное военно-инженерное управление, Главное управление оборонительного строительства, Инспекцию инженерных войск, Инженерный комитет, отдел кадров¹⁹⁵. В ходе войны уточнялись и его функции: совершенствование структуры инженерных войск; руководство формированием инженерных частей и соединений; накопление по указанию ГКО и Ставки ВГК инженерных резервов; осуществление контроля над правильным использованием инженерных войск во фронтах и армиях; руководство строительством тыловых оборонительных рубежей и устройством инженерных заграждений; организация всестороннего инженерного обеспечения наступательных и оборонительных операций фронтов и армий; руководство инженерной службой фронтов и округов, а также инженерной подготовкой войск Красной армии; руководство подготовкой инженерных кадров; совершенствование и разработка новых образцов инженерной техники; обобщение опыта применения инженерных войск и внедрение его в их подготовку и практику¹⁹⁶.

Боевой опыт показал, что создание в начале войны штабов инженерных войск как органов управления в значительной степени способствовало улучшению организации и осуществлению инженерного обеспечения операций. Начальник инженерных войск Красной армии маршал инженерных войск М. П. Воробьёв впоследствии подчеркивал, что существование таких штабов диктовалось интересами эффективного управления и качественной боевой подготовки инженерных войск, а также инженерной подготовки родов войск¹⁹⁷.

В годы войны Управление начальника инженерных войск много внимания уделяло развитию организационной структуры инженерных войск. Если перед войной основной организационной структурой считался батальон, то в годы войны это была уже бригада. Бригадная организация давала возможность осуществлять маневр инженерными войсками в операции фронта, массировать их на направлении главного удара, облегчала управление ими и позволяла добиваться эффективного применения инженерных войск. Основное внимание было обращено на укрепление частей и соединений РВГК.

Понтонный мост через Днепр

Советские танкисты переправляются через реку Вислу

Для борьбы с танковыми и моторизованными соединениями противника по предложению начальника инженерных войск директивами Ставки ВГК в апреле 1942 г. стали формироваться в составе РВГК инженерные бригады специального назначения, инженерно-минные и горные минно-инженерные, понтонно-мостовые бригады. В июне 1943 г. формировались штурмовые инженерно-саперные бригады РВГК, а в 1944 г. — моторизованные инженерные бригады и моторизованные штурмовые инженерно-саперные бригады РВГК.

Представление о росте инженерных войск можно составить по следующим данным: если до войны в Красной армии было всего 34 инженерных и понтонных полка РГК, то к маю 1945 г. имелось инженерно-саперных и саперных бригад — 100, понтонно-мостовых бригад — 11, понтонно-мостовых полков — 11, отдельных понтонно-мостовых батальонов — 32, отдельных инженерных и саперных батальонов — 41, парков инженерных машин — 17 и ряд других подразделений РВГК¹⁹⁸.

Для оказания помощи в организации инженерного обеспечения операций фронтов или групп фронтов начальник инженерных войск направлял в действующую армию представителей центрального аппарата. На наиболее важные направления он выезжал лично либо командировал туда своих заместителей. С осени 1942 г. в состав оперативных групп представителей Ставки ВГК обязательно входили и ответственные работники Управления начальника инженерных войск Красной армии.

Таким образом, с началом военных действий потребовалась коренная перестройка организационной структуры центральных органов управления инженерными войсками. Наиболее существенным было введение должностей начальников инженерных войск Красной армии, фронта, армии и их штабов, ставших основными органами управления боевой деятельностью этих войск.

Органы обеспечения связи. Накануне войны обеспечением связи Главного командования занималось сразу четыре органа: Управление связи Красной армии, Отдел связи Оперативного управления Генерального штаба, Народный комиссариат связи СССР и Народный комиссариат внутренних дел СССР. Относительно независимо действовали отделы связи ВМФ, ВВС, ПВО страны¹⁹⁹. Управление связи Красной армии (УСКА) являлось центральным органом Народного комиссариата обороны по руководству боевой подготовкой войск связи, организации служебной связи в Красной армии и снабжению войск имуществом связи. Оно непосредственно подчинялось начальнику Генерального штаба генералу армии Г. К. Жукову²⁰⁰. Начальнику управления непосредственно подчинялись: части связи Резерва Главного командования, Научно-испытательный институт связи и особой техники, Центральная школа собаководства, центральные склады связи²⁰¹. Предполагалось, что в случае войны связь Главного командования с фронтами и военными округами будет осуществляться через систему стационарной связи Народного комиссариата связи СССР с мест постоянной дислокации.

С первых дней Великой Отечественной войны советское командование столкнулось с серьезной проблемой управления войсками действующей армии из-за неустойчивости связи. Существовавшие линии и узлы связи Наркомата связи оказались неподготовленными к действиям в условиях военного времени. Отмобилизовать войска связи западных военных округов не удалось. Так, 2 июля начальник штаба Западного фронта генерал-лейтенант Г. К. Маландин докладывал начальнику Генерального штаба: «Части связи Западного фронта не отмобилизовались... Части связи 3, 4, 13-й армий имеют потери от 50 до 100%. Прибывшее управление 16-й армии потеряло свой батальон связи при изменении маршрута следования. Части связи Народного комиссариата связи не отмобилизованы»²⁰². Не ладилось со связью во всех штабах фронтов и армий. И не столько по вине связистов, сколько из-за общей неблагоприятной стратегической обстановки, отсутствия должного опыта у командования всех степеней в применении различных средств связи для управления войсками. Расчет на организацию управления между Ставкой и фронтами по средствам связи Наркомата связи не оправдался.

И. Т. Пересыпкин

Связист гвардии рядовой А. Е. Ильченко из 73-го гвардейского стрелкового полка 25-й гвардейской дивизии у полевого телефона во время уличных боев в районе Воронежа

Красноармейцы-связисты Западного фронта прокладывают телефонную линию в поле

Солдаты и офицеры 2-го гвардейского полка связи у знамени части

Старшина-связист у радиостанции во время боя в Берлине

Управление связи Красной армии во главе с генералом Н. И. Гапичем по своей структуре, качеству и численности личного состава, по мнению членов Государственного Комитета Обороны, оказалось неспособным осуществлять эффективное руководство войсками связи. С целью централизации руководства связью в стране и в вооруженных силах 22 июля 1941 г. постановлением ГКО начальником Управления связи Красной армии и одновременно заместителем наркома обороны был назначен полковник И. Т. Пересыпкин с сохранением за ним должности народного комиссара связи СССР²⁰³. Это решение ГКО ликвидировало ведомственные барьеры и позволило в дальнейшем применить все виды связи в интересах вооруженных сил, рационально использовать материально-технические ресурсы и всех связистов страны для улучшения работы связи по обеспечению стратегического управления войсками и страной.

Для улучшения работы по руководству и материально-техническому обеспечению войск связи 28 июля 1941 г. Управление связи было реорганизовано в Главное управление связи Красной армии (ГУСКА) и в его состав включен узел связи НКО для полного обеспечения связью Генерального штаба Красной армии²⁰⁴. В этот же день приказом НКО было утверждено «Положение о Главном управлении связи Красной армии» и штаты, которые по своей численности в три раза превышали прежний состав Управления связи²⁰⁵. Основными его функциями являлись: организация и обеспечение связи Главного командования; руководство работой по организации и обеспечению связи в частях и соединениях Красной армии; подготовка и использование всех средств связи страны на нужды военного командования; реализация заказов на имущество связи в промышленности; складское хранение имущества связи; инспектирование войск связи; подбор высшего и старшего начсостава связи.

Организационная структура ГУСКА включала: командование, оперативно-техническое управление, инспекцию, узел связи НКО, Управление вооружения средствами связи, Управление снабжения средствами связи, а также отделы: мобилизационно-плановый, кадров, финансовый, оборонительного строительства, общую и секретную части²⁰⁶. Начальником Главного управления связи Красной армии был назначен полковник (с декабря 1941 г. — генерал-лейтенант войск связи) И. Т. Пересыпкин²⁰⁷.

В ходе войны организационная структура органов управления связи постоянно совершенствовалась, а функции их расширялись. 3 января 1942 г. было создано Управление боевой подготовки. 22 августа был сформирован дислопочтовый отдел, преобразованный 18 декабря в Управление военно-почтовой связи²⁰⁸. 5 октября 1943 г. в связи с сокращением численности аппарата центральных органов НКО были утверждены новые штаты и положение о ГУСКА. В его составе насчитывалось пять управлений: оперативно-техническое, боевой подготовки, вооружения средствами связи, военно-почтовой связи, снабжения средствами связи, а также 27 отделов²⁰⁹. Эта организационная структура оказалась наиболее оптимальной и просуществовала с некоторыми изменениями до конца войны.

Приоритетным направлением деятельности Главного управления связи с первых дней войны являлось обеспечение связи Ставки Главного командования (с 8 августа 1941 г. — Ставка ВГК) с фронтами, армиями. «Вопрос надежной связи с действующей армией был в то время вопросом вопросов, — отмечал А. М. Василевский. — Генштабу нужна была оперативная, четкая информация. Без нее управлять войсками нельзя»²¹⁰. Для этого использовался узел связи Генштаба, так как Ставка не имела своего аппарата управления и средств связи. С выходом постановления ГКО № 300 узел связи Генштаба перешел в подчинение ГУСКА и стал обслуживать связью Наркомат обороны, в том числе и Генеральный штаб Красной армии²¹¹.

В начале войны узел связи был единым и обслуживал все нужды Наркомата обороны, а затем его разделили на две части: основная обеспечивала связью Верховное главнокомандование и Оперативное управление Генштаба, а другая располагалась отдельно и обслуживала главные и центральные управления и органы тыла Наркомата обороны.

Для надежного и непрерывного обеспечения связи Верховного главнокомандования на основании постановления ГКО от 8 июля 1941 г. был сформирован подвижный узел связи, укомплектованный москвичами связистами²¹². С помощью подвижного узла на базе

железнодорожного состава можно было иметь связь со всеми штабами фронтов в любое время. Несколько позже был сформирован мощный подвижный узел связи, смонтированный на автомашинах. В течение всей войны эти узлы успешно использовались для обеспечения связи представителей Ставки ВГК, выезжавших на фронты.

Для связи Ставки, Генерального штаба с войсками применялись и другие подвижные средства связи, прежде всего авиация связи. Первоначально для этой цели использовались специальные самолеты ГВФ. В декабре 1941 г. была сформирована отдельная авиационная эскадрилья ГВФ, предназначенная специально для связи ВГК²¹³. В начале декабря 1942 г., по предложению начальника Генерального штаба, была сформирована 3-я отдельная авиационная дивизия связи ГВФ, которая в оперативном отношении подчинялась начальнику Главного управления связи Красной армии²¹⁴. Во фронтах создавались авиационные эскадрильи, а затем и полки связи.

Кроме обеспечения связи Ставки ВГК, Генштаба Главное управление связи помогало во всех отношениях организовывать надежную работу узлов связи штабов ВВС, ПВО, Народного комиссариата ВМФ и Центрального штаба партизанского движения. Начальники связи ВВС, АДД, ПВО в оперативном отношении не подчинялись начальнику ГУСКА. И только с 6 июля 1943 г. директивой НКО «Об использовании средств связи специальных родов войск» они были подчинены начальнику ГУСКА в оперативном отношении²¹⁵, что значительно улучшило руководство войсками связи в целом и управление вооруженными силами в операциях.

В наиболее ответственные моменты войны широко практиковалось направление в действующую армию представителей и комиссий ГУСКА. Сам начальник управления И. Т. Пересыпкин за годы войны 21 раз был на фронтах, некоторые командировки продолжались по два-три месяца²¹⁶.

Для обеспечения связи Генерального штаба со штабами фронтов и восстановления магистральных линий и узлов связи были сформированы батальоны связи. Одновременно создавались отдельные ремонтно-восстановительные, телеграфно-телефонные, радио и линейные батальоны связи РВГК. Только в течение первого года войны было сформировано свыше тысячи различных частей связи²¹⁷.

С целью повышения устойчивости и надежности связи ГУСКА разработало и применило на практике узлы связи особого назначения (УСОН). Задача их состояла в обеспечении связи Генерального штаба со штабами объединений и соединений резервов ВГК, действовавших на данном стратегическом направлении. Для их обслуживания были сформированы специальные части — отдельные дивизионы связи РВГК, а в последующем и отдельные полки связи²¹⁸.

Придавая исключительно важное значение стратегическому управлению войсками, нарком внутренних дел и Главное управление связи Красной армии предложили Государственному Комитету Обороны разделить функции связи между ГУСКА и НКВД. Постановлением ГКО «Об обеспечении бесперебойной связи Ставки Верховного главнокомандования со штабами фронтов и армий» все работы по строительству, эксплуатации и охране магистральных линий с цепями, занятыми под правительственную ВЧ-связь Ставки ВГК со штабами фронтов и армий, возлагались на Народный комиссариат внутренних дел СССР²¹⁹.

Существенную роль в улучшении связи Генерального штаба с фронтами и армиями и повышении ответственности за ее состояние сыграло введение в конце 1943 г. в ГУСКА должности начальника оперативного направления связи, на которую назначались, как правило, начальники войск связи фронтов или армий. Начальник оперативного направления связи отвечал за организацию и обеспечение устойчивой связи с фронтом или группой фронтов на одном стратегическом направлении. Ему подчинялись все части связи, обслуживавшие это направление²²⁰.

Ввиду того что количество частей связи, непосредственно подчиненных Главному управлению связи Красной армии, значительно увеличилось, возникли трудности в управлении ими. Поэтому приказом НКО от 28 декабря 1944 г. все отдельные части связи были организационно сведены в бригады связи резерва ВГК²²¹. Преимущество бригадной организации

при обслуживании оперативных направлений связи состояло в том, что они объединяли все части связи, в том числе и части узлов связи особого назначения.

Важным мероприятием, обеспечивавшим улучшение руководства государственной и военной связью, стало решение Государственного Комитета Оборона о децентрализации этого руководства. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 июня 1944 г. народным комиссаром связи СССР был назначен К. Я. Сергейчук, а маршал войск связи И. Т. Пересыпкин остался заместителем народного комиссара обороны и начальником Главного управления связи Красной армии.

Специфическим мероприятием в обеспечении связи командования крупных гарнизонов на территории иностранных государств с Москвой, штабом фронта или отдельной армией было создание узлов связи специального назначения (УССН). 26 июня 1944 г. начальник Генерального штаба утвердил «Положение об узлах связи специального назначения и о коммандантах связи»²²². Право организовывать УССН предоставлялось начальнику Главного управления связи Красной армии.

В ходе Великой Отечественной войны в соответствии с условиями обстановки и экономическими возможностями страны совершенствовались и войска связи. С улучшением технической оснащенности, увеличением количества сил и средств связи ГУСКА были осуществлены мероприятия, направленные на укрупнение и специализацию частей связи, что значительно улучшало систему оперативно-стратегического управления Красной армии. Численность войск связи за годы войны выросла в четыре раза и составила почти 10% от общей численности вооруженных сил. В этих цифрах наглядно отражается роль войск связи в обеспечении управления войсками.

В целом военная связь в годы Великой Отечественной войны явилась основным техническим средством стратегического руководства Красной армии. Благодаря комплексному использованию проводных, радио и подвижных средств связи управление войсками становилось все более устойчивым, непрерывным и надежным.

Тыл Красной армии. Накануне Великой Отечественной войны непосредственное руководство тылом Красной армии возлагалось на Генеральный штаб, тылами фронтов и армий — на соответствующие штабы. Считалось, что в маневренной войне только общевойсковые штабы будут постоянно в курсе оперативно-стратегической обстановки и смогут правильно организовать работу тыла. Довольствующие органы были разобщены. Согласно приказу НКО от 15 марта 1941 г. «О распределении обязанностей между заместителями народного комиссара обороны» первое заместителю НКО Маршалу Советского Союза С. М. Будённому непосредственно подчинялись: Главное интендантское управление Красной армии, Санитарное управление Красной армии, Ветеринарное управление Красной армии и Отдел материальных фондов²²³.

В составе Генерального штаба Красной армии находились Управление военных сообщений и Управление устройства тыла и снабжения. Кроме того, непосредственно начальнику Генерального штаба Красной армии подчинялось Управление снабжения горючим Красной армии. Финансовое управление при НКО подчинялось наркому обороны Маршалу Советского Союза С. К. Тимошенко²²⁴.

В тяжелейших условиях начавшейся войны оперативно-стратегические органы тыла выполняли следующие задачи: обеспечивали мобилизационное развертывание соединений и частей Красной армии, а также осуществляли тыловое обеспечение войск действующей армии, которые вели боевые действия на фронте от Баренцева до Черного моря, производили отмотелизацию собственных частей и учреждений, вывозили из-под ударов противника запасы материальных средств, промышленные и сельскохозяйственные предприятия и гражданское население.

За первые три недели войны были потеряны материальные и технические средства, необходимые для обеспечения войск, ведущих оборонительные бои. Уже к 10 июля в оккупированных районах оказалось более 200 складов, баз, то есть 68% из общего количества дислоцируемых на территории западных приграничных военных округов²²⁵.

Не обходилось и без перекосов другого порядка. Например, для перевода армии на военное положение согласно плану МП-41 требовалось 4887 тыс. человек. Однако при объявлении мобилизации были призваны военнообязанные 14 возрастов, общая численность которых составила около 10 млн человек²²⁶. Это не соответствовало необходимости, вносило дезорганизацию в народное хозяйство и усиливало тревогу в обществе. Кроме того, на складах не было даже такого количества обмундирования. Так, комиссар интендантского управления Западного фронта 26 июля 1941 г. докладывал: «Мы совершенно не имеем обуви и летнего обмундирования. Во многих частях даже командиры ходят в белых туфлях»²²⁷.

Центральные органы управления снабжения НКО в начальный период войны практически бездействовали. 30 июня 1941 г. главный интендант Красной армии генерал А. В. Хрулёв, докладывая начальнику Генштаба генералу армии Г. К. Жукову, отмечал: «Дело организации службы тыла действующей армии находится в исключительно тяжелом положении. Ни я как главный интендант, ни Управление тыла и снабжения Генерального штаба на сегодняшний день не имеем никаких данных по обеспечению продовольствием и интендантским имуществом фронтов... Подвоза — также нет, так как Главное интендантское управление не имеет данных, куда и сколько нужно и можно завозить»²²⁸. Тогда генерал Г. К. Жуков с присущей ему прямотой ответил А. В. Хрулёву: «Мы сами не имеем никаких связей. И не знаем, что войскам требуется»²²⁹.

Первый месяц войны показал, что существовавшая система управления тылом не соответствовала условиям начавшейся войны. Были необходимы решительные меры по реформированию и улучшению управления тыловым обеспечением действующей армии, создание централизованного руководства службами из единого стратегического органа. Требовались смелость и глубокая убежденность в правоте задуманного. Группа специалистов-тыловиков из Генерального штаба и Главного интендантского управления под руководством А. В. Хрулёва после тщательной разработки представила свои соображения и варианты проекта постановления «Об организации Главного управления тыла Красной армии, управлений тыла фронта и армии» на рассмотрение в ГКО. Инициативу поддержал член ГКО А. И. Микоян, который отвечал за снабжение армии в годы войны. 28 июля 1941 г. проекты документов были представлены И. В. Сталину, который их сразу же утвердил.

В постановлении ГКО от 28 июля 1941 г. «Об улучшении работы Генерального штаба Красной армии и центральных управлений Наркомата обороны» в разделе «Работа тыла Красной армии» сказано: «В целях улучшения работы ввести должность начальника тыла Красной армии. При начальнике тыла иметь Главное управление тыла Красной армии и штаб нач[альника] тыла... Главная обязанность начальника тыла — организация и регулирование подвоза всех видов снабжения и пополнения к фронтам и эвакуация в тыл военного имущества, больных и раненых военнослужащих... Во фронтах и армиях создать Управление тыла во главе с начальником тыла фронта, армии, являющегося вместе с тем заместителем командующего фронтом, армией и подчиненного одновременно начальнику тыла Красной армии»²³⁰.

На основании этого постановления был издан приказ НКО от 1 августа 1941 г. «Об организации Главного управления тыла Красной армии и управлений тыла фронтов и армий»²³¹. Начальником тыла Красной армии и одновременно начальником Главного управления тыла Красной армии был назначен генерал-лейтенант интендантской службы А. В. Хрулёв. В составе Главного управления тыла находились: штаб начальника тыла, управления военных сообщений и автодорожное, инспекции. Начальнику тыла подчинялись: Главное интендантское управление, Управление снабжения горючим, Санитарное управление и Ветеринарное управление²³². Затем в подчинение начальника тыла было передано и Финансовое управление.

В этот же день, 1 августа 1941 г., был подписан приказ НКО «О назначении начальников тыла фронтов». Накануне, 30 июля, при назначении первых начальников тыла фронтов народный комиссар обороны обстоятельно беседовал с ними в своем кабинете, отметив: «Война требует железного порядка и снабжения войск. Этот порядок должен наводиться твердой рукой начальников тыла фронтов, армий. Вам нужно быть диктаторами в тыловой полосе

своих фронтов, и это каждый должен хорошо усвоить»²³³. В итоге были назначены начальники тыла семи фронтов: генерал-лейтенант В. К. Мордвинов (Северный фронт), генерал-майор М. Г. Снегов (приступить к новым обязанностям не смог, поскольку был ранен и 7 августа 1941 г. попал в плен) (Северо-Западный фронт), генерал-лейтенанты В. Н. Курдюмов (Западный фронт), М. С. Хозин (Резервный фронт), В. Ф. Яковлев (с сентября 1941 г. — генерал-майор И. Г. Советников) (Юго-Западный фронт), М. А. Рейтер (Центральный фронт) и И. К. Смирнов (Южный фронт).

Новая структура управления тылом себя оправдала и в основном сохранилась до конца войны. Общее планирование тылового обеспечения войск в ходе войны осуществлялось Генштабом Красной армии в соответствии с военно-политическими целями и стратегическими задачами. Конкретное же доведение всего, что требовалось объединениям, соединениям и частям для жизни и боя, проводилось разветвленной системой тыла совместно с главными и центральными довольствующими и обеспечивающими управлениями Наркомата обороны под непосредственным руководством начальника тыла Красной армии. Основным оперативно-тыловым документом органов стратегического тыла явились директивы по тылу, которые отдавались фронтам, как правило, за подписью начальника Генерального штаба и начальника тыла.

Особое место в общей системе руководства тылом занял штаб начальника тыла. Первым начальником штаба был назначен генерал-майор П. В. Уткин, а с сентября 1941 г. — генерал-майор М. П. Миловский, который находился в этой должности всю войну. В состав штаба тыла входили отделы: планирования материального снабжения действующей армии и новых формирований, планирования железнодорожных и автомобильных перевозок, организации органов и учреждений тыла, эвакуации, кадров и общий.

В связи с увеличением объема работы органов тылового обеспечения центральный аппарат тыла Красной армии был реорганизован и численно усилен. Постановлением ГКО от 9 июня 1943 г. Главное управление тыла Красной армии было упразднено, а управления, входившие в его состав, стали замыкаться непосредственно на начальника тыла Красной армии — заместителя народного комиссара обороны по тылу²³⁴. Согласно приказу НКО от 12 июня 1943 г. ему непосредственно были подчинены: штаб тыла, Центральное управление ВОСО (ЦУП ВОСО), главные управления Красной армии — автомобильное, дорожное, интендантское, продовольственного снабжения, военно-санитарное, управления Красной армии — снабжения горючим, ветеринарное, финансовое, по персональному учету потерь младшего начальствующего и рядового состава действующей армии и пенсионному обеспечению их семей, административно-хозяйственное, редакция журнала «Тыл и снабжение Красной армии», а также отдел кадров. Непосредственно начальнику тыла были подчинены Военная академия тыла и снабжения имени В. М. Молотова и Военно-транспортная академия Красной армии имени Л. М. Кагановича²³⁵.

Штаб начальника тыла Красной армии в дальнейшем в организационной структуре совершенствовался и в апреле 1945 г. в своем составе имел 12 отделов: устройства тыла, снабжения фронтов и округов, обеспечения организационных мероприятий и резервных соединений, железнодорожных и водных перевозок, автомобильных и авиационных перевозок, организационный и штатно-приказной, боевой подготовки, по делам военнопленных, интернированных и репатриированных, по использованию трофейного и народно-хозяйственного имущества, секретный и административно-хозяйственная часть.

В соответствии с постановлением ГКО от 11 сентября 1941 г. в вооруженных силах устанавливался новый порядок назначения фондов и отпуск продовольствия войскам фронтов в соответствии со списочной численностью, но не более количества пайков, установленных Государственным Комитетом Обороны²³⁶. По согласованию с правительством Управление продовольственного снабжения разработало новые продовольственные нормы на военное время, которые ГКО утвердил 12 сентября 1941 г. Всего было определено 14 продовольственных норм, по которым снабжались войска Красной армии²³⁷. В конце сентября 1941 г. был осуществлен переход к месячному планированию снабжения продовольствием Красной

М. П. Миловский

В. И. Виноградов

М. В. Захаров

армии, установлены размеры запасов, подлежащих содержанию в войсках. Но, как показала практика, эти запасы не обеспечивали бесперебойное снабжение войск. Учитывая большую растянутость железнодорожных и автомобильных коммуникаций, в 1943 г. было принято решение о повышении запасов продовольствия для всех фронтов на 30 суток, а для Карельского фронта — на 40 суток. Эти нормы для планирования снабжения продовольствием фронтов действующей армии сохранялись до конца войны.

Осознавая важность продовольственного снабжения действующей армии, ГКО своим постановлением от 24 января 1942 г. усилил органы управления продовольственного снабжения во всех структурах вооруженных сил. В центре было создано Главное управление продовольственного снабжения Красной армии, подчиненное наркомату обороны И. В. Сталину. Начальником Главного управления был назначен бригадный инженер Д. В. Павлов (нарком торговли РСФСР). Этим же постановлением ГКО были персонально утверждены начальники управлений продовольственного снабжения всех десяти в то время существовавших фронтов действующей армии²³⁸. 19 апреля 1942 г. Главное управление продовольственного снабжения Красной армии было переподчинено начальнику тыла Красной армии, где и оставалось до конца войны²³⁹.

Контроль над снабжением и обеспечением войск материальными средствами был важнейшей функцией ГКО, органов тыла и командования действующей армии. И все же, как показала проверка особой комиссией ГКО на Калининском фронте в мае 1943 г., «имелись серьезные срывы в питании красноармейцев», несмотря на то что фронт и армии были обеспечены продовольствием. По этому поводу в приказе НКО № 0374 от 31 мая 1943 г. указывалось: «Дело снабжения чрезвычайно сложное и трудное и должно находиться в руках самых опытных руководителей и составлять одну из ответственных задач военных советов фронтов и армий»²⁴⁰. В целях усиления руководства военным снабжением всех видов во фронтах, войсковым хозяйством и материальным обеспечением соединений в приказе предусматривалось возложить эти обязанности на первых членов военных советов фронтов (персонально), а вторые освобожденные члены военного совета фронта являлись их постоянными помощниками²⁴¹.

В июне 1943 г. на основании постановления ГКО в Красной армии была изменена система подвоза. Ответственность за доставку всех видов материальных средств в подчиненные части и соединения возлагалась на старшего начальника тыла. Это имело большое значение для своевременного обеспечения войск материальными средствами ведения боевых действий.

14 октября 1943 г. ГКО своим постановлением возложил снабжение армии продфуражом на главного интенданта Красной армии генерал-лейтенанта интендантской службы П. И. Драчёва. Главное управление продовольственного снабжения было реформировано в управление и включено в состав Главного интендантского управления²⁴².

Надежность обеспечения войск действующей армии материальными средствами полностью зависела от возможностей подвоза. В стратегическом и оперативном звеньях тыла подвоз осуществлялся в основном железнодорожным транспортом по принципу «от себя» (сверху вниз). Развертывание органов управления ВОСО в начале войны было сорвано. Контролировать их продвижение и выгрузку со стороны НКПС оказалось некому, вследствие чего управление перевозками было нарушено. Вся вина за это наркомом железнодорожного транспорта Л. М. Кагановичем была возложена на начальника ВОСО Красной армии генерал-лейтенанта технических войск Н. И. Трубецкого²⁴³.

После этого некоторое время службу ВОСО возглавлял генерал А. В. Хрулёв. В соответствии с постановлением ГКО от 28 июля 1941 г. служба ВОСО в центре, во фронтах и армиях была изъята из Генерального штаба и общевойсковых штабов и передана в состав Главного управления тыла с непосредственным подчинением начальнику тыла Красной армии, начальникам тыла фронтов и армий. С июля 1941 по 1943 г. Управление ВОСО Генерального штаба, а затем ЦУП ВОСО Красной армии возглавлял военный инженер 1 ранга (генерал-лейтенант) И. В. Ковалёв, с 1944 г. — генерал-майор В. И. Дмитриев. В ходе войны Управление ВОСО постоянно реорганизовывалось и в феврале 1943 г. было переименовано в Центральное управ-

ление ВОСО с переподчинением Генеральному штабу Красной армии, а уже через 36 дней, в марте 1943 г., приказом НКО органы ВОСО были переданы в состав тыла Красной армии²⁴⁴.

Необходимость подвоза военных грузов действующей армии и осуществление оперативных перевозок автомобильным транспортом в начальный период войны потребовали от ГКО принятия постановления от 16 июля 1941 г. «Об организации автодорожной службы на шоссеино-грунтовых дорогах и о формировании автомобильно-тракторных батальонов». Согласно этому постановлению было организовано Автомобильно-дорожное управление Красной армии²⁴⁵, которое с 29 июля 1941 г. подчинено начальнику тыла Красной армии²⁴⁶.

В ходе войны в связи с увеличением объема подвоза материальных средств войскам, масштабов перегруппировок войск в операциях, эвакуационных перевозок, а также значительным ростом автомобильного парка возникла настоятельная необходимость усиления органов управления в центре. В соответствии с постановлением ГКО от 8 мая 1942 г. на базе Автомобильно-дорожного управления Красной армии и Управления военно-дорожных работ тыла Главного управления шоссеиных дорог НКВД было создано Главное управление автотранспортной и дорожной службы Красной армии во главе с генералом З. И. Кондратьевым. Во фронтах были образованы соответствующие управления, в армиях — отделы автотранспортной и дорожной службы²⁴⁷.

Дальнейшее возрастание значения дорожного и автотехнического обеспечения операций, а также автомобильных перевозок выявило необходимость разделения автомобильной и дорожной службы. В июне 1943 г. было создано Главное дорожное управление Красной армии²⁴⁸. Задачи по организации и управлению оперативными, снабженческими и эвакуационными автомобильными перевозками были возложены на Главное автомобильное управление, находящееся в подчинении начальника тыла Красной армии²⁴⁹.

Приказом НКО от 25 марта 1942 г. в составе Главного управления тыла Красной армии было сформировано Управление по сбору и использованию трофейного вооружения, имущества и металлолома²⁵⁰, которое в соответствии с постановлением ГКО от 5 апреля 1943 г. передано Трофейному комитету ГКО²⁵¹. Быстрое продвижение Красной армии в ходе наступательных операций, привело к захвату крупных трофеев. В связи с этим в апреле 1944 г. трофейная служба Красной армии была усилена²⁵², а 21 февраля 1945 г. создано Главное трофейное управление Красной армии²⁵³, переданное в подчинение непосредственно начальнику тыла Красной армии²⁵⁴. Аналогичные изменения произошли также во фронтах и армиях.

В ходе войны тыл армии и флота принял и доставил от промышленности и сельского хозяйства страны непосредственно в войска огромное количество вооружения, боевой и другой техники, более 10 млн тонн различных боеприпасов, свыше 16 млн тонн горючего, около 40 млн тонн продфуража, 38 млн шинелей, 73 млн гимнастеров, 70 млн хлопчатобумажных и около 20 млн ватных шаровар, 64 млн пар кожаной обуви, 11 млн пар валяной, большое количество других материальных средств²⁵⁵.

За годы войны было восстановлено и перешито 120 тыс. км железнодорожных путей²⁵⁶, что более чем на 13% превышает эксплуатационную длину железнодорожной сети СССР в 1940 г. Объем воинских железнодорожных перевозок за войну в среднем превысил 19 млн вагонов²⁵⁷, что эквивалентно почти 300 млн тонн грузов. Ежедневно отгружалось 284 поезда с войсками и военными грузами. Общий объем перевозок, выполненных автомобильным транспортом в ходе операций Великой Отечественной войны, составил 625 200 тыс. тонн (39 млн вагонов)²⁵⁸.

Большой вклад в общее дело победы над врагом внесла военно-медицинская служба. Вместе с органами Народного комиссариата здравоохранения ей удалось добиться невиданных в истории отечественной медицины результатов: во время войны были возвращены в строй 72% раненых и 91% больных. Тем самым создавались условия для регулярного пополнения действующей армии опытным и закаленным в боях личным составом.

Созданная в годы войны стройная централизованная структура органов управления тылом отвечала требованиям современной вооруженной борьбы и способствовала достижению стратегических целей войны. Великая Отечественная война стала тяжелым испыта-

нием и суровой проверкой жизненности высших органов управления Красной армии и их способности достойно выполнять свои функциональные обязанности в военное время. Развернувшаяся на огромном фронте вооруженная борьба с агрессором, стремительное продвижение его войск на восток, тяжелейшие потери личного состава и вооружения потребовали ускоренного стратегического развертывания сил Красной армии, формирования новых соединений и объединений, их вооружения и материально-технического обеспечения, подготовки военных кадров, совершенствования форм и методов стратегического руководства вооруженными силами.

Анализ реформирования органов управления и строительства родов войск в ходе войны показал, что оно зависело не только от уровня производительных сил страны, но и от умения органов оперативно-стратегического руководства определять пути и содержание развития родов войск и служб в каждом из периодов войны, способности использовать предоставленные государством ресурсы в интересах наиболее целесообразного, целеустремленного и экономного их использования для достижения военно-политических целей вооруженного противоборства.

В мероприятиях по совершенствованию организации руководства вооруженными силами с начала войны отчетливо прослеживается повышение роли и ответственности главных и центральных управлений НКО в планировании и обеспечении военных действий фронтов и групп фронтов. Это выразилось во введении должностей командующих соответствующих родов войск с органами управления (штабами), одновременно являвшихся заместителями наркома обороны, что обеспечивало необходимую авторитетность и весомость принимаемых решений в форме директив и приказов относительно использования того или иного рода войск в операциях.

Народный комиссариат Военно-морского флота в системе органов стратегического руководства вооруженными силами

Особенности стратегического руководства Военно-морским флотом в ходе войны определялись ее политическими целями и стратегическим содержанием, военно-географическими условиями морских театров СССР, ролью и местом ВМФ в вооруженной борьбе с главным противником — нацистской Германией, оперативными задачами и возможностями действовавших флотов.

При этом решающее влияние на эти особенности оказали проблемы организационного характера: при создании самостоятельного Наркомата Военно-морского флота его роль в системе стратегического руководства вооруженными силами в военное время была определена недостаточно четко. Взаимоотношения между двумя оборонными наркоматами при совместном решении вопросов применения сил и войск действующих объединений (фронтов, армий, флотов и флотилий) строгого нормативного оформления не получили. Положения, определявшие порядок стратегического и оперативного взаимодействия между войсками и силами Красной армии и ВМФ, носили самый общий характер, и при попытках их практической реализации обнаруживались серьезные противоречия. Включение в уже сложившуюся систему военного управления еще одной линии, идущей из аппарата правительства параллельно той, что уже шла сверху вниз через НКО и Генштаб Красной армии, нарушало важнейший принцип стратегического руководства СССР — централизацию.

По отношению к действиям на основном Европейском (континентальном) театре войны в прибрежных морях СССР вооруженная борьба носила ограниченный и второстепенный характер. Кроме того, ограниченность целей и масштабов военных действий на этих морских театрах была в значительной степени обусловлена их географической изолированностью, закрытым характером, сложными климатическими условиями, периферийным положением

относительно важнейших океанско-морских коммуникаций и сравнительно низкой интенсивностью судоходства.

В связи с этим самостоятельные операции сил советского ВМФ не выходили за рамки действий оперативного масштаба, планирование и руководство которыми относилось к компетенции командующих соответствующими объединениями (флотами и флотилиями). К тому же эти действия (борьба с военно-морскими силами противника, нарушение его морских коммуникаций, оборона своих) велись непрерывно, в связи с чем планировались независимо от планов кампаний и стратегических операций и лишь в единичных случаях их задачи согласовывались с целями операций, которые велись приморскими объединениями Красной армии. Когда же эти объединения и силы флотов вели совместные действия, то за редким исключением (оборона военно-морских баз) руководство НК ВМФ и командование этих объединений оказывались на вторых ролях: первое — в качестве дополнительной контролирующей инстанции, второе — в качестве исполнителя замысла вышестоящего командования.

Деятельность Наркомата и Главного морского штаба ВМФ в годы войны существенно осложнялась из-за крупных ошибок, допущенных в 1920-х — первой половине 1930-х гг., устранить которые полностью в период непосредственной подготовки к отражению агрессии и в условиях военного времени возможности не имелось. Просчеты в прогнозировании стратегического и оперативного содержания вооруженной борьбы на море, чрезмерное влияние на строительство флота соображений экономического характера и ведомственных интересов представителей сухопутных войск, занимавших ключевые должности в руководстве объединенного военного ведомства, увлечение поисками асимметричного ответа на морское могущество держав, считавшихся наиболее вероятными противниками СССР, однако, в конечном счете, ставшими его союзниками, — все это привело к тому, что к началу Великой Отечественной войны ВМФ не был сбалансирован по родам сил и кораблям основных классов, а их распределение по морским театрам оказалось таково, что ни одно из существовавших на тот момент объединений не отвечало задачам, которые им пришлось решать фактически.

Есть все основания полагать, что образование самостоятельного Наркомата Военно-морского флота было вызвано не только тем, что создание океанского ВМФ по своему политическому значению являлось важнейшей государственной задачей. Совершенно очевидно, что, принимая это решение, руководство Советского Союза рассчитывало устранить перекосы в управлении строительством и подготовкой флота в период, когда он был лишен стратегической самостоятельности и пребывал в статусе рода сил Красной армии.

В соответствии с «Положением о Народном комиссариате Военно-морского флота СССР», введенным в действие 31 января 1938 г., НК ВМФ являлся общесоюзным наркоматом, «выполнявшим задачи морской обороны СССР»²⁵⁹. Возглавлял военно-морское ведомство народный комиссар ВМФ СССР, имевший двух заместителей (первого и начальника Главного морского штаба), наделенных правом по его поручению издавать приказы по РККФ. Сопроводительным органом при наркоме ВМФ являлся Главный военный совет (ГВС) ВМФ, деятельность которого регулировалась особым положением. Председательствовал в нем народный комиссар, а его состав утверждался Совнаркомом СССР по представлению наркома Военно-морского флота. Решения, принимавшиеся ГВС, утверждались им же и объявлялись его приказами и распоряжениями. Наркому ВМФ непосредственно подчинялись военные советы объединений и командование Военно-морской академии.

По состоянию на 22 июня 1941 г. в состав НК ВМФ входили Главный морской штаб (ГМШ) и два главных управления (политической пропаганды и портов). Непосредственно наркому подчинялись три управления (военно-воздушных сил, военно-морских учебных заведений и управление делами), финансовый отдел, группа контроля, постоянная приемная комиссия; его заместителям — 13 управлений (командное, организационно-строевое, кораблестроения, артиллерийское, минно-торпедное, химическое, связи, гидрографическое, техническое, инженерное, строительное, медико-санитарное, квартирно-эксплуатационное), инспекция противопожарной службы и шесть отделов²⁶⁰.

Н. Г. Кузнецов

И. С. Исаков

В. А. Алафузов

С. Ф. Жаворонков

Л. М. Галлер

Во время Великой Отечественной войны организационная структура и основные функции Народного комиссариата ВМФ существенно не менялись. Как и в мирное время, наркомату делегировались полномочия по разработке и реализации планов строительства Военно-морского флота, руководству оперативно-боевой, мобилизационной, политической подготовкой ВМФ и его оперативным использованием, контроль над выполнением гражданскими наркоматами заказов для флота и приемка готовой продукции, организация научно-исследовательской, изобретательской и рационализаторской работы в военно-морском ведомстве, подготовка кадров, организация противовоздушной и местной противовоздушной обороны на морских театрах СССР, навигационно-гидрографическое обеспечение деятельности военных и гражданских ведомств и безопасности мореплавания, аэрогидрометеорологическое обеспечение боевой и повседневной деятельности флотов и флотилий, аттестование, перемещение и увольнение личного состава ВМФ, определение порядка прохождения службы командным, начальствующим и политическим составом и присвоение воинских званий. Кроме того, наркомат отвечал за материальное, техническое и специальное обеспечение ВМФ, осуществлял руководство службой военных сообщений на морских, озерных и речных театрах, привлекался к разработке международно-правовых актов и деятельности по военному и военно-техническому сотрудничеству с иностранными государствами.

Важное значение имела деятельность НК ВМФ по разработке и изданию уставов, наставлений, положений, руководств, правил, инструкций, наставлений и других нормативных документов, регламентирующих организацию службы в Военно-морском флоте, подготовку и применение его сил и войск. «Центральным органом НК ВМФ по подготовке использования РККФ для морской обороны страны» являлся Главный морской штаб Военно-морского флота. По состоянию на 22 июня 1941 г. в его состав входили четыре управления: оперативное, организационно-мобилизационное, разведывательное, боевой подготовки, а также отделы: военного сообщения, исторический, материального планирования и общий. На них возлагались: разработка планов применения ВМФ и боевых уставных документов; руководство оперативно-боевой подготовкой и разведывательной деятельностью; планирование и проведение мобилизационных мероприятий в Военно-морском флоте и взаимодействующих с ним гражданских наркоматах; развитие организационно-штатной структуры объединений, соединений и частей; оперативное оборудование морских театров; обеспечение военных перевозок морским и речным транспортом; руководство планированием заказов для НК ВМФ; разработка оперативно-тактических заданий по созданию и модернизации кораблей, вооружений и военной техники; обобщение опыта военных действий на море; руководство шифровальной службой; обеспечение скрытности управления ВМФ²⁶¹.

13 февраля 1941 г. в связи с созданием Наркомата государственной безопасности на базе бывшего Особого отдела Главного управления госбезопасности НКВД при НК ВМФ было сформировано 3-е управление, организационно в него не входившее и отвечавшее за «борьбу с контрреволюцией, шпионажем, диверсиями, вредительством и антисоветскими проявлениями в Военно-морском флоте»²⁶².

Высший руководящий состав Наркомата ВМФ к началу Великой Отечественной войны стабилизировался. В число первых лиц военно-морского ведомства входили народный комиссар Военно-морского флота адмирал Н. Г. Кузнецов, его первый заместитель — начальник Главного морского штаба адмирал И. С. Исаков, начальник Главного управления политической пропаганды армейский комиссар 2 ранга И. В. Рогов, заместители наркома: по кораблестроению и вооружению — адмирал Л. М. Галлер, по боевой подготовке — вице-адмирал Г. И. Левченко, по кадрам — корпусной комиссар С. П. Игнатьев, по тылу — генерал-лейтенант береговой службы С. И. Воробьев (назначен с июня 1942 г.), начальник Управления ВВС ВМФ генерал-майор С. Ф. Жаворонков. Существенное влияние на принятие решений по основным направлениям деятельности наркомата оказывал заместитель начальника Главного морского штаба — начальник оперативного управления ГМШ ВМФ контр-адмирал В. А. Алафузов.

Командование Севастопольского оборонительного района:
И. Е. Петров, П. А. Моргунов, Ф. С. Октябрьский, Н. А. Остряков

На командном пункте Краснознаменного Балтийского флота:
Н. К. Смирнов, В. Ф. Трибуц, А. Д. Вербицкий

Несмотря на то что в числе основных функций наркомата упоминалось «оперативное использование» ВМФ, а в составе Главного морского штаба имелось соответствующее подразделение, полномочия наркома Военно-морского флота по стратегическому руководству действующими объединениями даже в отношении вооруженной борьбы на море не были определены.

Не было определенности и в вопросе о стратегическом взаимодействии между Красной армией и Военно-морским флотом. Из проекта «Положения о Наркомате обороны и Генеральном штабе Красной армии» упоминание о морских силах было изъято²⁶³, но поскольку оно так и не вступило в действие, оставалось в силе Положение 1935 г., в соответствии с которым общее руководство вооруженной борьбой на море возлагалось на Генштаб Красной армии.

Впоследствии, характеризуя взаимоотношения между двумя оборонными ведомствами накануне войны, нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов писал: «Организуящих документов неоставало. Почти совсем не было разработано положение о том, как будет осуществляться управление боевыми действиями из центра и какие взаимоотношения установятся между фронтами и флотами на месте. Попытки внести ясность по этому вопросу в предвоенный 1940 год, когда был издан ряд директив по совместной подготовке округов и флотов к боевым действиям на приморских направлениях, фактически результата не имели. Произошло это потому, что армейское командование, с одной стороны, не хотело подчинять флоту ни одной крупной части, а с другой — не хотело брать на себя ответственность за оборону того или иного приморского объекта или военно-морской базы... В результате этот и все другие вопросы, которые требовали уточнения еще в мирное время, были оставлены на начальный период войны»²⁶⁴.

При этом в соответствии с «Соображениями об основах стратегического развертывания Вооруженных сил Советского Союза», объявленных директивой народного комиссара обороны от 14 октября 1940 г., общие задачи ВМФ заключались в следующем: во взаимодействии с ВВС Красной армии нанести решительное поражение флотам наших противников; оказывать содействие наступлению сухопутных сил и уничтожению береговой обороны противника; активными действиями на коммуникациях противника не допустить подвоза войск и боевого снаряжения в порты воюющих против СССР государств; осуществлять оборону побережья СССР, не допуская высадки вражеских десантов; по указанию Главного командования осуществлять высадку морских десантов во фланг и тыл приморских группировок противника. Исходя из этого, планировалось Балтийский и Черноморский флоты с началом войны передать в подчинение Главному командованию Вооруженных сил СССР, Северный флот — Ленинградскому военному округу, Пинскую военную флотилию — Западному военному округу, Тихоокеанский флот — Дальневосточному фронту, Амурскую военную флотилию — 2-й Краснознаменной армии²⁶⁵.

В мае 1940 г. НКО и НК ВМФ ввели в действие разработанное совместно «Положение о взаимодействии войск КА и сил ВМФ при обороне побережья». 11 марта 1941 г. начальник Генерального штаба генерал армии Г. К. Жуков и начальник Главного морского штаба адмирал И. С. Исаков подписали совместную директиву «О подготовке связи для взаимодействия частей и соединений Красной армии и ВМФ»²⁶⁶. В «Плане обороны государственной границы 1941 г.» задачи Северного, Балтийского и Черноморского флотов были конкретизированы²⁶⁷, однако в управления округов и флотов он был направлен только в мае, в связи с чем и на оперативном уровне вопросы межвидового взаимодействия до нападения Германии на СССР решить не удалось.

Определенную роль в том, что такие вопросы решались с большим запозданием, играли слабая теоретическая разработка вопросов создания и применения межвидовых группировок и человеческий фактор. В нормативно-правовых документах, определявших основы совместного применения войск армии и сил флота, отсутствовало четкое, не допускающее слишком широкого толкования понятие «оперативное подчинение». На оперативном уровне в 1930-е гг. взаимодействие войск приморских объединений и морских сил отрабатывалось регулярно (противодесантная оборона побережья, высадка морских десантов). Вместе с тем

Советско-финляндская война 1939–1940 гг. показала, что высший руководящий состав Красной армии к управлению межвидовыми группировками не готов. Наиболее ярко это выразилось в том, что абсолютное превосходство Балтийского флота над военно-морским флотом Финляндии армейским командованием в расчет не принималось, и не было ни одной попытки это решающее преимущество реализовать.

Определенную роль в отстранении общевойсковых начальников от решения вопросов применения сил флота играло нежелание нести ответственность за результаты вооруженной борьбы на море, влияние которых на общую оперативную обстановку для армейского командования не было очевидным. По свидетельству Н. Г. Кузнецова, особенно ярко настроения такого рода проявились в Прибалтике, где его попытки добиться согласованного решения имели результатом лишь то, что «на море командует Трибуц²⁶⁸, а на суше — Кузнецов»²⁶⁹.

Имели место противоречия и в оперативном планировании приморских объединений Красной армии и флотов. Несмотря на оборонительный характер действий, которые предполагалось вести в начальном периоде войны с Германией, в целом замысел стратегического применения Красной армии был нацелен на разгром противостоящего ей врага. Общий замысел применения ВМФ, вопреки наступательной риторике в боевых уставных документах и пояснительных документах к оперативным планам, имел по существу оборонительный характер. Флот готовился прежде всего к борьбе на коммуникациях, бою на минно-артиллерийской позиции в устье Финского залива, обороне военно-морских баз с моря, противодесантной обороне островов Моонзундского архипелага²⁷⁰. Следовательно, из четырех задач только одна — борьба на коммуникациях — являлась наступательной и то лишь наполовину, поскольку подразумевала также и ведение действий по защите своих морских сообщений. «Получилось все наоборот и по вариантам, которые никогда не рассматривались ни в Академии, ни в Главморштабе, ни на флоте»²⁷¹.

С началом войны противник, пользуясь тем, что его суда могли беспрепятственно следовать шведскими шхерами, сознательно прекратил торговое судоходство в открытой части Балтики, и советские подводные лодки фактически лишились возможности их атаковать. Свертывание германского торгового судоходства косвенным образом указывало на то, что зависимость рейха от морской торговли со Швецией и другими скандинавскими странами советским военно-морским командованием была сильно завышена, и морские коммуникации, связывающие Германию со Скандинавией, критического значения для ее экономики не имели. Однако флот продолжал терять подводные лодки, не добиваясь при этом ожидаемого оперативного результата.

Рассматривая причины неудач и поражений ВМФ в действиях на море, необходимо отметить ошибки, допущенные при планировании оперативного применения военно-морской группировки Советского Союза, а также просчет относительно планов противника. Опасаясь появления его главных сил в Финском заливе, советское командование с началом войны приступило к созданию минно-артиллерийских позиций, в то время как главной целью врага было блокирование сил Балтийского флота в его восточной части, и осуществленные нашими силами оборонительные минные постановки (с чувствительными для флота потерями) только помогли ему этого добиться. Другая фатальная ошибка заключалась в том, что значительная часть сил и средств флота была обращена на противодесантную оборону побережья, тогда как в действительности враг собирался захватывать военно-морские базы с суши и именно таким образом решать «проблему морской войны»²⁷².

Между тем мотивы, которые лежали в основе решений руководства НК ВМФ в отношении руководства вооруженной борьбой на море накануне и в первые дни войны, достаточно очевидны. Не обладая достоверной информацией о планах противника в отношении ведения военных действий против Советского Союза на морских театрах, оно исходило из общего соотношения сил на море между СССР и государствами фашистского блока. Поэтому был дан неверный прогноз в отношении плана действий германского флота на Балтике и значительно преувеличена вероятность появления в Черном море объединенной итало-германотурецкой группировки²⁷³.

Существенное значение для организации стратегического руководства Военно-морским флотом в военное время имел реальный статус народного комиссара ВМФ и фактически делегированные ему полномочия в отношении управления действующими флотами. К началу войны добиться полной ясности в этом вопросе не удалось. Место наркома Военно-морского флота и аппарата его ведомства в системе государственного и военного управления не было четко определено и после того, как 23 июня 1941 г. Н. Г. Кузнецов вошел в состав Ставки Главного командования²⁷⁴. А когда 10 июля 1941 г. она была переименована в Ставку Верховного командования²⁷⁵, наркому ВМФ места в ней уже не нашлось, и уровень неопределенности в его отношениях с воюющими объединениями стал еще выше, что усугублялось к тому же неодинаковым подходом к решению данного вопроса.

Переход флотов и флотилий в оперативное подчинение сухопутных объединений, с которыми им пришлось взаимодействовать, в реальности произошел не одновременно, а с учетом фактической обстановки. Директива Ставки Главного командования об оперативном подчинении Пинской военной флотилии командующему 21-й армией была издана 5 июля 1941 г.²⁷⁶ Балтийский флот вошел в состав Северо-Западного направления 14 июля 1941 г.²⁷⁷ При этом рамки полномочий командующих, в подчинение которых они передавались, определены не были. Иначе решался вопрос о Черноморском и Северном флотах. Директивой Ставки ВГК от 14 августа 1941 г. Черноморский флот был оперативно подчинен командующему 51-й отдельной армией, но только «в отношении задач, касающихся обороны Крыма», а Северный флот — командующему 14-й армией с целью «восстановления положения на мурманском и кандалакшском направлениях» 14 сентября 1941 г.²⁷⁸

Из воспоминаний Н. Г. Кузнецова следует, что он понимал статью «Положения о Народном комиссариате Военно-морского флота», в соответствии с которой отвечал за «оперативное использование» действующих объединений, как обязанность осуществлять стратегическое руководство вооруженной борьбой на морских театрах военных действий, исходя из общих задач ВМФ, которыми кроме содействия войскам приморских объединений Красной армии предусматривались ведение борьбы против сил вражеского флота и борьба на морских коммуникациях. Однако именно в этом отсутствовала ясность сказывалось особенно остро. «В первые дни войны мы вообще были лишены какого-либо руководства. Правительство, занятое крупными делами, оказалось малодоступным для меня как наркома ВМФ, а нарком обороны и Генеральный штаб не успевали разбираться со всеми вопросами. Приходилось действовать на свой риск и страх. Трудность этого положения заключалась в том, что, считая, скажем, разумным атаковать Констанцу авиацией и кораблями, я принимал такое решение и, если все обошлось гладко, доносил оперсводкой в правительство. И на этом дело кончалось. Но если, как это случилось с лидером «Москва», дело кончалось гибелью корабля, меня спрашивали — кто разрешил проводить подобную операцию? Парадоксально, но по документам я не имел права принимать даже такие решения»²⁷⁹.

Понимая, что отстранение первых лиц НК ВМФ от участия в руководстве вооруженной борьбой неправильно и ненормально, Верховное главнокомандование и руководство Генерального штаба Красной армии пытались найти формы совместной работы с ними, не меняя сложившейся к началу войны организации стратегического руководства вооруженными силами. После создания Северо-Западного направления начальник Главного морского штаба адмирал И. С. Исаков без освобождения от должности был назначен заместителем К. Е. Ворошилова по морской части и убыл в Ленинград, где координировал совместные действия сил Балтийского флота, Ладужской и Чудской военных флотилий с войсками Северо-Западного и Ленинградского фронтов. В конце 1941 г. при подготовке Керченско-Феодосийской десантной операции он был откомандирован на юг с задачей на месте контролировать планирование и отработку взаимодействия Черноморского флота с Закавказским фронтом. В качестве представителя наркома ВМФ на Черноморском флоте до конца 1941 г. работал вице-адмирал Г. И. Левченко. В октябре этого года он был назначен командующим группировкой, оборонявшей полуостров, включавшей войска 51-й и Приморской армий и силы Черноморского флота. Н. Г. Кузнецов выезжал на действующие флоты не только

с инспекционными целями, но и как представитель Ставки ВГК, хотя и не с такими широкими полномочиями, которыми наделялись Г. К. Жуков и А. М. Василевский.

В служебной записке начальника Оперативного управления Главного морского штаба контр-адмирала В. Л. Богденко отмечалось, что до 1943 г. «ГМШ ни разу не был ориентирован Генеральным штабом по вопросам дальнейшего хода боевых действий и возникающим задачам флотов и флотилий... Все попытки командования ВМФ получить в Генштабе хотя бы ориентировочные данные о замыслах предстоящих операций и применении в них сил флота оказывались безуспешными. Не представляя себе всех оперативных возможностей флотов, работники Генштаба при планировании совместных операций принимали во внимание только возможности сил флота по оказанию непосредственной огневой поддержки сухопутным войскам»²⁸⁰.

Между тем необходимые материальные условия для более широкого участия в стратегическом руководстве вооруженной борьбой у наркома ВМФ и его центрального аппарата, безусловно, имелись. Несмотря на то что в октябре 1941 г. большинство управлений и отделов Наркомата ВМФ было эвакуировано в Куйбышев и Ульяновск, в столице оставалась оперативная группа во главе с адмиралом Л. М. Галлером и обеспечивавшим ее деятельность узлом связи. В Куйбышеве на борту сетевого заградителя был размещен маневренный приемо-передающий радиотелеграфный центр, поддерживавший устойчивую связь со всеми флотами. Несмотря на это, участие наркома ВМФ и центральных органов управления Военно-морского флота в первые месяцы войны носило ограниченный характер. Непрерывное руководство флотами осуществлялось по линии Ставка — фронт (Главное командование направлений) — флот. Военные флотилии с начала войны подчинялись командующим соответствующих фронтов, а на отдельных участках — и армий.

До коренного перелома в ходе вооруженной борьбы такое положение центральных органов управления ВМФ в системе стратегического руководства страной и вооруженными силами, судя по всему, признавалось неизбежным, а пока Красная армия находилась в состоянии стратегической обороны, это, очевидно, устраивало и руководство Наркомата ВМФ. Во многом из-за этого на оперативном уровне вопросы взаимодействия решались не на нормативно-правовых документах, а стихийно, причем вмешательство Ставки ВГК и главных командований направлений далеко не всегда давало положительный результат. По этой причине неоправданно много времени было потеряно на принятие решения о создании Одесского оборонительного района. Слишком поздно была сформирована под единым командованием межвидовая группировка для обороны Таллина. А решение Генштаба Красной армии о подчинении войск, оборонявших острова Эзель и Даго, различным фронтам, очевидно, не было самым удачным и оказало отрицательное влияние на ведение операции по обороне Моонзундских островов.

Когда развернулась борьба за Таллин, Главный морской штаб принял все возможные меры, чтобы помочь флоту, поскольку стратегическая ценность группировки на Балтике была наиболее высокой. Только силы Балтийского флота могли в первый период войны наносить удары по территории врага и жизненно важным для него морским коммуникациям. Неслучайно замысел и план первого воздушного удара советской авиации по Берлину были разработаны Главным морским штабом и командованием ВВС ВМФ. Н. Г. Кузнецов лично доложил их Верховному главнокомандующему И. В. Сталину, который, разрешив летчикам ВМФ бомбить столицу рейха, приказал докладывать ему о результатах каждого налета.

В ведении Главного морского штаба номинально оставалось общее руководство подготовкой самостоятельных морских операций, а также планирование и контроль над ведением флотами систематических боевых действий по уничтожению военно-морских сил противника в море и в базах, обороне своих морских коммуникаций и нарушению коммуникаций противника. Однако фактически в первый период войны самостоятельные морские операции не проводились, и основной задачей сил флотов стала оборона военно-морских баз на изолированных приморских плацдармах (Либава, Ханко, Таллин, Одесса, Севастополь,

Ленинград) или находившихся под угрозой их захвата с суши (Полярный, Мурманск, Новороссийск, Туапсе).

Не считая возможным оставаться в роли пассивного наблюдателя за развитием обстановки на морских театрах военных действий нарком ВМФ считал своим долгом контролировать, насколько правильно командование действующих объединений, оперативно подчиненных приморским группировкам Красной армии, понимает задачи, поставленные перед ними, и следить за полнотой их выполнения. С началом войны Главным морским штабом осуществлялся сбор информации об обстановке, кроме того, нарком ВМФ регулярно получал оперативные сводки с флотов и флотилий.

Действуя по его указанию, руководство Главного морского штаба пыталось заблаговременно получать и в Генеральном штабе Красной армии информацию о планах применения сил флота в совместных операциях, чтобы ориентировать исполнителей до издания директивы Ставки. Однако это не всегда удавалось. Более того, под предлогом достижения скрытности подготовки операций Генеральный штаб ограничивал доступ представителей ВМФ к соответствующей информации, что препятствовало в полной мере реализации боевого потенциала сил флота²⁸¹.

Тем не менее, несмотря на организационные недоработки, а подчас и острые разногласия между Главным морским штабом и Генштабом Красной армии в первые месяцы войны, в дальнейшем их взаимодействие развивалось в основном конструктивно. По мере накопления опыта управления силами на всех уровнях руководства постепенно вырабатывалось необходимое взаимопонимание.

Так, опыт организации управления межвидовыми соединениями и объединениями в ходе первых оборонительных операций показал, что эффективность совместных действий войск фронта и сил флота в значительной мере зависит от наличия в составе взаимодействующих штабов соответствующих специалистов. Такой вывод, в частности, был сделан на основе анализа деятельности Северо-Западного направления, где заместителем главнокомандующего войсками направления, а затем и командующего войсками Ленинградского фронта был адмирал И. С. Исаков. При создании Северо-Кавказского стратегического направления он был назначен заместителем главкома по морской части и членом Военного совета направления и, находясь в этой должности, обеспечивал руководство применением сил Черноморского флота и Азовской военной флотилии, организовывая их взаимодействие с войсками армии. При штабе Северо-Кавказского стратегического направления была создана морская группа численностью 25 человек, в которую входили офицеры-операторы по родам сил и войск флота, разведке, связи и тылу.

10 июля 1942 г. по решению Ставки ВГК в штат управления Черноморского флота была введена должность заместителя командующего по сухопутным войскам, а при штабе флота организован отдел сухопутных войск, структура которого строилась по аналогии с морской группой при штабе фронта. Появление этих подразделений в штабах флотов и приморских фронтов позволило снять наиболее острые вопросы, возникавшие из-за нерешенности проблемы стратегического взаимодействия между видами вооруженных сил.

С переходом Вооруженных сил Советского Союза к наступательным действиям по всему советско-германскому фронту влияние результатов вооруженной борьбы на море на общую стратегическую обстановку заметно возросло. В декабре 1943 г. адмирал Н. Г. Кузнецов обратился к И. В. Сталину с письмом, в котором, описав сложившуюся ситуацию, внес предложения по изменению порядка управления действующими флотами. Отметив, что командующие фронтами (армиями) ставили задачи «только с текущими действиями (операциями) самого фронта (армии)», а задачи «чисто морские: борьба на коммуникациях противника, набеговые действия на неприятельское побережье, борьба на морском театре за создание благоприятного оперативного режима» ими не ставились, нарком ВМФ акцентировал внимание на том, что по этим вопросам ему и Главному морскому штабу «приходилось «давать дополнительные указания», информируя об этом Генштаб КА»²⁸².

В штабе Северного флота: начальник штаба флота С. Г. Кучеров, командующий флотом А. Г. Головкин, член Военного совета А. А. Николаев

Командующий Черноморским флотом Ф. С. Октябрьский (в центре) на борту крейсера «Красный Крым»

Известно, что реакцией на это письмо стала директива Ставки ВГК от 31 марта 1944 г., в соответствии с которой народный комиссар Военно-морского флота становился главным-командующим морскими силами СССР, все военно-морские флоты и флотилии подчинялись ему во всех отношениях, а оперативное подчинение этих объединений в целом или их отдельных соединений командующим фронтами, округами и армиями допускалось лишь на отдельных этапах войны²⁸³. Однако данная директива существенного влияния на организацию и распределение функций между подразделениями центрального аппарата Наркомата ВМФ не оказала. Они оставались примерно такими же, какими сложились к началу войны²⁸⁴, поскольку основные задачи по строительству и подготовке Военно-морского флота и по обеспечению стратегического руководства вооруженной борьбой на морских театрах принципиально не менялись.

Наиболее важные преобразования в структуре Народного комиссариата ВМФ были вызваны изменениями в функциях организационно-мобилизационных органов, подразделений, отвечавших за оперативно-боевую подготовку и комплектование действующих флотов, военные сообщения, военное и военно-техническое сотрудничество с союзниками и обобщение опыта войны. Так, в октябре 1941 г. на базе бывшего Северного (Полярного) отдела Главного морского штаба был сформирован Отдел внешних коммуникаций, преобразованный в январе 1942 г. в Управление ВОСО, а 2 февраля 1942 г. Отдел подготовки и комплектования был реформирован в Организационно-строевое управление ВМФ. Несколько реорганизаций и переименований претерпело Управление начальствующего состава (УНС), которое в августе 1943 г. стало Управлением кадров офицерского состава (УКОС) ВМФ. В 1943 г. в составе Главного морского штаба были созданы отделы: по изучению опыта войны, международно-правовой и военно-морской цензуры²⁸⁵.

«Положение о Главном морском штабе Военно-морского флота СССР», учитывающее его новую роль как основного органа оперативного управления в составе Наркомата ВМФ, было введено в действие 19 апреля 1945 г. С этого времени «организация непрерывного управления флотами и флотилиями и подготовка материалов для принятия решений главным-командующего Военно-морскими силами по боевому управлению флотами и флотилиями» стала основной задачей Главного морского штаба²⁸⁶.

Между тем теоретическая разработка вопросов стратегического руководства вооруженной борьбой на море к этому времени оставалась примерно на том же низком уровне, как и в начале войны, и практика этого вида деятельности высших органов государственного и военного управления по своему содержанию осталась прежней, такой, какой она сложилась в ходе военных действий.

Участие Наркомата ВМФ в стратегическом руководстве действующими объединениями осуществлялось, как правило, изданием приказов и директив с общими указаниями по организации военных действий и управлению силами. Например, директивы военным советам флотов: «Об активизации боевых действий с использованием минного оружия» (23 июня 1941 г.), «О недостатках использования морской авиации» (27 июня 1941 г.), «Об усилении ПВО военно-морских баз» (28 июня 1941 г.), «О предупреждении потерь авиации» (4 июля 1941 г.), «О необходимости учета опыта первых дней войны» (9 июля 1941 г.), «Об усилении разведывательной деятельности» (15 июля 1941 г.), «Об активизации деятельности подводных лодок» (17 июля 1941 г.), «Об организации взаимодействия морской и сухопутной авиации» (27 июля 1941 г.), «Об использовании минно-торпедной авиации» (13 февраля 1942 г.), «Об организации противоздушной обороны военно-морских баз» (18 мая 1942 г.), «О принципах организации ПВО на флотах» (27 мая 1942 г.)²⁸⁷. Особенно много таких указаний действующим флотам (шифровкой и устно по закрытым каналам связи) отдавалось в начальный период войны. Их анализ позволяет выделить некоторые общие черты: неконкретность, бессистемность, оторванность от реальной обстановки, недоверие к командованию и штабам, сомнение в оперативной подготовке командиров и штабов, их способности грамотно и твердо управлять подчиненными силами.

К середине 1942 г. от управления действующими флотами и флотилиями таким способом руководство начало отказываться, и с этого времени основной формой доведения общих требований по организации и ведению военных действий стали приказы: «Об оперативном использовании торпедных катеров» (21 января 1942 г.), «О повышении боевой готовности флотов на 1942 г.» (30 января 1942 г.), «Об опыте первых месяцев минной войны» (4 апреля 1942 г.), «Об использовании минного оружия ВМФ в войне с германским фашизмом» (18 апреля 1942 г.), «О противоминной обороне» (25 мая 1942 г.), «Об итогах боевой деятельности противовоздушной обороны ВМФ» (21 октября 1942 г.), «Об итогах боевого использования подлодок ВМФ за полтора года войны и задачах на 1943 г.» (7 февраля 1943 г.)²⁸⁸. В отличие от директив они содержали конкретные требования, основанные на анализе реального положения дел, не дублирующие, а уточняющие или дополняющие положения боевых уставных документов. Вместе с тем, как и упомянутые выше директивы, они отражали беспокойство руководства Наркомата ВМФ и Главного морского штаба уровнем подготовки командующих действующими объединениями и подчиненных им штабов. С начала 1943 г. приказы такого рода уже не издавались.

Одним из направлений деятельности руководства Народного комиссариата ВМФ являлась постановка общих оперативных задач действующим объединениям. Наиболее ярко это отражено в директивах наркома командующим флотами и флотилиями, отданных в начальном периоде Великой Отечественной войны. Только 22 июня 1941 г. военным советам действующих флотов было направлено семь оперативных директив: о выполнении оборонительных минных постановок; о развертывании подводных лодок на позициях в соответствии с оперативными планами; о нанесении авиационных ударов по аэродромам в Норвегии и портам в Румынии; о ведении действий в операционной зоне Северного флота²⁸⁹. К этой группе относятся директивы, определявшие общий порядок организации и ведения операций по защите внутренних и внешних коммуникаций, борьбы с вражескими морскими перевозками и силами противника на морских театрах²⁹⁰.

Широкое распространение получили указания по ведению конкретных операций и боевых действий. Основную часть оперативных документов данной группы составляют директивы с требованиями об удержании военно-морских баз, плацдармов и оборонительных рубежей, обороне стратегически важных приморских территорий, морского побережья, ведении действий в районах с особыми военно-географическими условиями (островных, шхерных и прочих)²⁹¹.

Конкретные указания относительно целей и задач боевых действий содержат директивы военным советам действующих флотов: «О нанесении удара по Плоешти» (30 июня 1941 г.), «Об участии с авиацией сухопутных войск в ударе по островной группе противника» (9 июля 1941 г.), «О задачах флота при обороне Одессы» (4 августа 1941 г.), «О мероприятиях по обороне Севастополя» (25 ноября 1941 г.), «Об обеспечении конвоя Пе-Ку-11 [PQ-11]» (20 февраля 1942 г.), «О развертывании подводных лодок для прикрытия конвоя» (7 марта 1942 г.), «О действиях торпедных катеров и авиации в районе Кольского залива» (11 марта 1941 г.), «Об активизации борьбы с транспортом противника в Финском заливе» (25 мая 1942 г.), «О действиях флота в Финском заливе» (10 июня 1942 г.), «Об обеспечении конвоя Пе-Ку-17 [PQ-17]» (11 июня 1942 г.), «О плане прикрытия конвоя Пе-Ку-17» (17 июня 1942 г.), «Об усилении флота авиацией для обеспечения встречи конвоя Пе-Ку-17» (18 июня 1942 г.), «О готовности ударных групп к действию по кораблям противника» (8 июля 1942 г.), «О нанесении массированных ударов по транспортам противника» (10 января 1942 г.), «Об усилении действий авиации в Островном районе», «Об уничтожении плавсредств противника в Невской губе» (21 июня 1943 г.), директива командующему ЧФ «О подготовке десантной операции крупного масштаба» (17 сентября 1943 г.)²⁹². Многие из этих директив издавались в развитие требований приказов и директив, объявлявших решения ГКО и Ставки ВГК, применительно к специфике ВМФ и условиям ведения вооруженной борьбы на море.

Наркомат ВМФ часто практиковал издание приказов, в которых обобщались результаты операций и отдавались указания по совершенствованию боевых действий. Так, в приказе «О проведении десантной операции КБФ по захвату острова Соммерс» (15 августа 1942 г.) оцениваются: планирование и подготовка действий, реализация принципа внезапности, применение торпедных катеров, применение кораблей огневой поддержки, планирование и организация применения ВВС, роль Военного совета и штаба Балтийского флота.

От военных советов флотов и флотилий нарком ВМФ требовал «раз и навсегда покончить с вредными явлениями безучастности вышестоящих штабов», «прекратить безответственность командиров и штабов в подготовке и в проведении операции». Особое внимание обращалось на разработку документов и недопущение оперативных и тактических просчетов. «Всякий оперативный и тактический просчет в операции и в бою» надлежало «рассматривать как безответственное выполнение боевой задачи, предавая виновников суду военного трибунала». Отмечая недостатки в подготовке и ведении военных действий, нарком ВМФ указывал пути их устранения, требуя организовывать работу «как на походном, так и на береговом ФКП» «так, чтобы штабы флотов действительно являлись бы органами боевого управления, а не фиксаторами событий задним числом, чтобы ни один вопрос, связанный с боевыми действиями или их обеспечением, не решался бы без ведома и мнения штаба флота и в первую очередь его оперативного отдела»²⁹³. Аналогичным образом деятельность командования объединений и соединений рассматривалась в приказе «Об итогах операции, проведенной Ладжской военной флотилией» (23 октября 1942 г.) и директивах командующему Балтийским флотом: «Об опыте набеговой операции на коммуникации противника кораблями Северного флота» (29 января 1943 г.), «О недостатках десантной операции в Нарвском заливе» (18 февраля 1944 г.), «О недостатках в боевой деятельности флота» (15 мая 1944 г.)²⁹⁴.

Существенное влияние на ход и исход вооруженной борьбы оказывала деятельность Наркомата ВМФ по обеспечению строительства Военно-морского флота. Уже опыт первых недель войны показал, что организация действующих объединений не в полной мере соответствовала реальной оперативной обстановке. Так, основу организации корабельных сил Балтийского и Черноморского флотов составляли эскадры, в создании которых материализовалась идея так называемого «маневренного соединения», предназначавшегося «для боя в море». В действительности в продолжение всей войны основным содержанием боевой деятельности всех родов сил действующих флотов и флотилий (за исключением подводных лодок) были совместные действия с войсками приморских объединений Красной армии. Поэтому уже в ходе мобилизационного развертывания руководству Наркомата ВМФ пришлось проводить организационные мероприятия, которые предвоенными планами не предусматривались или не предполагались в таком объеме.

За годы войны было сформировано 12 военных флотилий, пять межвидовых оперативных группировок (оборонительных районов), шесть морских оборонительных районов, более 20 военно-морских баз, эскадра Северного флота, 24 крупных корабельных соединения (бригад и отрядов кораблей), более 30 бригад морской пехоты и морских стрелковых бригад, а составлявшие основу военно-воздушных сил флотов авиационные бригады были переформированы в авиационные дивизии.

В начале войны по решению ГКО было остановлено строительство половины кораблей, находившихся на стапелях в различной степени готовности. Вместе с тем уже 4 декабря 1941 г. по предложению Наркомата ВМФ ГКО принял решение, в котором было указано на недопустимость свертывания военного судостроения. Во втором полугодии 1941 г. Наркомат ВМФ обеспечил приемку от промышленности 11 эсминцев, 16 подводных лодок, 79 малых боевых кораблей и катеров. В этот период было заложено два эсминца, один тральщик и восемь больших охотников. Всего за годы войны флоту было сдано 129 надводных кораблей и подводных лодок, 920 боевых катеров и 1375 различных плавсредств. В октябре 1944 г. нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов представил в ГКО предложения по разработке послевоенной программы кораблестроения.

М. И. Калинин с руководящим составом Наркомата Военно-морского флота после вручения государственных наград

Среди важнейших задач, которые решал Наркомат ВМФ в годы войны, стояла реализация межправительственных соглашений о военно-техническом сотрудничестве с союзниками по антигитлеровской коалиции. Через Наркомат внешней торговли СССР Главным морским штабом ВМФ направлялись заявки на приобретение в США и Великобритании боевых кораблей, вспомогательных судов и систем морских вооружений. В частности, накануне войны с Японией был составлен большой план закупок, который в США получил известность как «специальная программа Алафузова». В соответствии с этим планом были заказаны 28 фрегатов, 78 больших охотников, 99 тральщиков, 177 торпедных катеров, 60 сторожевых катеров, 53 десантных судна, шесть плавмастерских, восемь танкеров и несколько морских буксиров. Перед этим в состав ВМФ СССР в счет репараций с Италии союзники передали линейный корабль, крейсер, девять эсминцев, четыре подводные лодки, 10 тральщиков, торпедные и сторожевые катера.

Взаимодействие с союзниками обеспечивалось Главным морским штабом и при доставке воинских грузов в Советский Союз. За годы войны только на севере по внешним морским коммуникациям в составе 77 союзных конвоев осуществили переход более 1500 транспортов. Не менее масштабными были воинские перевозки по внутренним морским коммуникациям. В частности, на Черном море флот обеспечил переход морем свыше 6600 судов, на которых были перевезены около 2 млн человек и более 9 тыс. единиц боевой техники. Всего за войну ВМФ обеспечил перевозку морем и по внутренним водным путям свыше 100 млн тонн воинских и народно-хозяйственных грузов.

Важнейшую роль в обеспечении реализации решений Верховного главнокомандования и Наркомата ВМФ по руководству вооруженной борьбой на море играла деятельность центрального аппарата военно-морского ведомства по организации оперативно-боевой подготовки действующих флотов и флотилий и подготовке младших специалистов для кораблей и частей Военно-морского флота. Необходимо отметить, что это направление деятельности Наркомата ВМФ являлось предметом особого внимания Н. Г. Кузнецова, который требовал «боевую подготовку соединений кораблей и частей проводить повседневно, с учетом

обстановки, построив ее в соответствии с требованиями военного времени». При этом командирскую учебу надлежало «строить на основе разбора проведенных боевых действий»²⁹⁵.

Народный комиссар лично участвовал в важнейших мероприятиях оперативно-боевой подготовки на действующих флотах. Так, 19 декабря 1942 г. он выступил на сборе командиров соединений и руководящего состава органов военного управления Северного флота. Отметив, что «направление БП до войны было правильным, и война в это не внесла больших корректив», нарком ВМФ признал, что самым крупным недостатком остается слабая подготовка начсостава²⁹⁶. В свете этого существенно выросло значение подразделений Наркомата ВМФ и Главного морского штаба, основной функцией которых являлось обобщение опыта войны и доведение результатов этой работы до нижестоящих штабов.

Между тем адаптация деятельности Управления боевой подготовки (УБП) ВМФ к условиям военного времени проходила в наиболее сложных условиях. В первые недели войны почти весь его личный состав был откомандирован на действующие флоты для руководства боевой подготовкой на местах. В конечном счете, это решение было признано ошибочным, и 10 августа 1942 г. приказом наркома ВМФ вступило в силу новое «Положение об УБП», в соответствии с которым оно непосредственно подчинялось начальнику Главного морского штаба — первому заместителю наркома ВМФ. Начальником его был назначен видный теоретик, автор «Боевого устава морских сил» (БУМС-37) вице-адмирал С. П. Ставицкий. 18 августа 1943 г. в целях усиления руководства специальной подготовкой в штат управления были введены должности главного штурмана, главного артиллериста, главного минера, главного инженер-механика, главного инспектора маскировки и главного инспектора физической подготовки.

В июле 1942 г. Главный морской штаб возглавил контр-адмирал В. А. Алафузов, бывший до этого начальником Оперативного управления (И. С. Исаков, находясь на Кавказе в качестве заместителя главнокомандующего Северо-Кавказским направлением, 4 октября 1942 г. был тяжело ранен и потерял ногу).

Когда нарком ВМФ обрел статус «главнокомандующего всеми Военно-морскими силами СССР», существенно повысилась и роль Главного морского штаба, ставшего полноценным органом оперативного управления. При этом его структура, установленная в соответствии с директивой Организационно-строевого управления ВМФ от 14 сентября 1943 г., не изменилась. В соответствии с уточненными функциями проекты оперативных директив Верховного главнокомандующего, которыми ставились задачи флотам на предстоящие кампании, с этого времени стали разрабатываться непосредственно в Главном морском штабе.

По-своему эту перемену объяснил И. В. Сталин. В марте 1944 г., беседуя с командующим Балтийским флотом вице-адмиралом В. Ф. Трибуцем, вызванным в Ставку ВГК, он заметил, что время руководить флотом из Наркомата ВМФ настало потому, что «пора выходить на морские просторы». Анализ документальных источников конца Великой Отечественной войны позволяет предположить, что Верховный главнокомандующий имел в виду участие Военно-морского флота в войне с Японией: к этому времени вопрос о вступлении Советского Союза в войну на Дальнем Востоке был уже решен на Тегеранской конференции. Определенная связь с этим решением просматривается и в том, что 2 февраля 1945 г. нарком ВМФ адмирал Н. Г. Кузнецов был введен в состав Ставки ВГК.

Косвенным свидетельством подготовки Военно-морского флота к «выходу на морские просторы» является то, что в плане оперативной подготовки Черноморского флота появились мероприятия по отработке боя с корабельными соединениями японского ВМФ — копия плана занятий на данную тему была обнаружена в личном архиве Адмирала Флота Советского Союза С. Г. Горшкова, бывшего в 1945 г. командиром эскадры Черноморского флота.

В соответствии с новым «Положением о Главном морском штабе Военно-морского флота», введенным в действие 19 апреля 1945 г., на ГМШ возлагались подготовка материалов для принятия главнокомандующим решений по применению сил флотов и флотилий, разработка планов операций и проектов оперативных директив, включая согласование с Генштабом Красной армии вопросов организации совместных действий сухопутных войск и военно-

морских сил. Кроме того, в число основных задач, решаемых Главным морским штабом ВМФ, входили: разработка боевых уставных документов, планов развития Военно-морского флота, предложений по совершенствованию его организационно-штатной структуры; планирование и реализация организационных и мобилизационных мероприятий на флотах и флотилиях; подготовка оперативно-тактических заданий на строительство и модернизацию кораблей, самолетов, объектов береговой обороны, боевых и технических средств; руководство боевой, оперативной подготовкой и подготовкой штабов флотов и флотилий; контроль над командирской подготовкой офицерского состава; изучение и обобщение опыта войны на море; руководство разведывательной работой; разработка мероприятий по обороне внешних коммуникаций; планирование тральных действий; цензура флотской печати²⁹⁷.

К июлю 1945 г. в Главном морском штабе ВМФ был разработан план применения Тихоокеанского флота и Амурской военной флотилии в войне с Японией. Особое внимание уделялось планированию десантных операций в Корее, на Сахалине и Курильских островах. Координация действий Тихоокеанского флота и Амурской военной флотилии с действиями сухопутных войск была возложена на адмирала флота Н. Г. Кузнецова лично. При нем постоянно находился представитель Главного морского штаба вице-адмирал Н. М. Харламов. Блестящие результаты, достигнутые в ходе короткой, но крайне напряженной кампании на Дальнем Востоке, стали ярким свидетельством зрелости руководящих кадров советского ВМФ и высокой подготовки штабов всех уровней военного управления.

Важнейший итог деятельности Народного комиссариата ВМФ и Главного морского штаба в 1941–1945 гг. заключается в том, что система стратегического руководства этим видом вооруженных сил, созданная накануне войны, в ходе ее прошла всестороннюю проверку и в структурно-функциональном отношении оказалась близка к оптимальной, хотя при этом был выявлен и главный ее недостаток — нерешенность вопроса об организации стратегического взаимодействия с Красной армией.

Этот реальный опыт стал основой для развертывания исследований по теоретическому обобщению опыта войны и познанию закономерностей функционирования всей системы государственного и военного управления в чрезвычайных условиях военного времени. С этой точки зрения он сохраняет свою ценность и в современных условиях, являясь незаменимым материалом при разработке проблем теорий управления вооруженных сил и ВМФ, военного и военно-морского искусства и интегрированных с ними отраслей военно-научных знаний.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Известия ЦК КПСС. 1990. № 1. С. 193–205; Военно-исторический журнал. 1992. № 1. С. 16.
- ² Русский архив: Великая Отечественная. Приказы народного комиссара обороны СССР. Т. 13 (2–1). М., 1994. С. 158–160.
- ³ Там же.
- ⁴ Там же. С. 205–206.
- ⁵ РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 62. Л. 57–60.
- ⁶ Там же. Д. 60. Л. 102–105.
- ⁷ Там же. Д. 64. Л. 24–28.
- ⁸ 10 июля 1941 г. Ставка Главного командования была переименована в Ставку Верховного командования, а 8 августа 1941 г. — в Ставку Верховного главного командования.
- ⁹ Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1961. С. 887.
- ¹⁰ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 1. Л. 130.
- ¹¹ Там же. Д. 2. Л. 35.
- ¹² Там же. Д. 8. Л. 112–113.
- ¹³ Там же. Д. 5. Л. 10.
- ¹⁴ Там же. Л. 190.
- ¹⁵ Там же. Л. 185–186.
- ¹⁶ Там же. Д. 6. Л. 17.
- ¹⁷ Там же. Д. 5. Л. 208.
- ¹⁸ ЦАМО. Ф. 2. Оп. 795437. Д. 4. Л. 12–14.
- ¹⁹ РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 65. Л. 398–400.
- ²⁰ 50 лет Вооруженных сил СССР. М., 1968. С. 269–270; Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 887.
- ²¹ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 6. Л. 182–183.
- ²² Там же. Л. 184–185.
- ²³ РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 69. Л. 254–255.
- ²⁴ Воинские звания: младший сержант, сержант, старший сержант, старшина были установлены приказом НКО СССР № 391 от 2 ноября 1940 г. на основании «Положения о прохождении службы младшим начальствующим составом Красной армии» (РГВА. Ф. 4. Оп. 15. Д. 13. Л. 183–185).
- ²⁵ ЦАМО. Ф. 2. Оп. 795437. Д. 7. Л. 575.
- ²⁶ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 8. Л. 86–87.
- ²⁷ Там же. Л. 87.
- ²⁸ ЦАМО. Ф. 2. Оп. 795437. Д. 4. Л. 314.
- ²⁹ Там же. Д. 6. Л. 3–4.
- ³⁰ Там же. Д. 16. Л. 246.
- ³¹ Советское военное искусство в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М., 1962. Т. 3. С. 62.
- ³² РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 110. Л. 49–50.
- ³³ ЦАМО. Ф. 2. Оп. 795437. Д. 7. Л. 478.
- ³⁴ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 153. Л. 58.
- ³⁵ Там же. Л. 61.
- ³⁶ ЦАМО. Ф. 2. Оп. 795437. Д. 7. Л. 623.

- ³⁷ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 9. Л. 168.
- ³⁸ РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 78. Л. 419.
- ³⁹ Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. М., 2009. С. 283–288.
- ⁴⁰ Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 907.
- ⁴¹ РГВА. Ф. 4. Оп. 15. Д. 44. Л. 131.
- ⁴² Там же. Д. 26. Л. 8–10.
- ⁴³ ЦАМО. Ф. 38. Оп. 11386. Д. 25. Л. 40–41.
- ⁴⁴ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 1. Л. 131.
- ⁴⁵ ЦАМО. Ф. 48а. Оп. 3408. Д. 4. Л. 40–42.
- ⁴⁶ Постановление ГКО № 400 от 5 августа 1941 г. (РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 5. Л. 5); ЦАМО. Ф. 2. Оп. 795437. Д. 4. Л. 20.
- ⁴⁷ РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 62. Л. 242–248.
- ⁴⁸ Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 358.
- ⁴⁹ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 84. Л. 63–84.
- ⁵⁰ РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 62. Л. 245–248.
- ⁵¹ Огонь, броня, маневр. М., 1999. С. 166–167.
- ⁵² Постановление ГКО № 516 от 19 августа 1941 г. (РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 7. Л. 90–93).
- ⁵³ ЦАМО. Ф. 2. Оп. 795437. Д. 1. Л. 308.
- ⁵⁴ Там же. Ф. 38. Оп. 11358. Д. 205. Л. 100–103.
- ⁵⁵ Там же. Ф. 2. Оп. 795437. Д. 4. Л. 251; Д. 6. Л. 43–45.
- ⁵⁶ Там же. Ф. 38. Оп. 11358. Д. 205. Л. 112–119.
- ⁵⁷ Там же. Ф. 2. Оп. 795437. Д. 4. Л. 180.
- ⁵⁸ РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 66. Л. 232–234.
- ⁵⁹ ЦАМО. Ф. 2. Оп. 795437. Д. 4. Л. 353.
- ⁶⁰ Там же. Ф. 38. Оп. 11351. Д. 45. Л. 11.
- ⁶¹ Там же. Д. 155. Л. 43.
- ⁶² Военно-исторический журнал. 1981. № 9. С. 72.
- ⁶³ С этого времени автобронетанковые войска стали именоваться бронетанковые и механизированные войска Красной армии.
- ⁶⁴ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 72. Л. 93–94.
- ⁶⁵ ЦАМО. Ф. 2. Оп. 795437. Д. 8. Л. 387–389.
- ⁶⁶ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 72. Л. 93–94.
- ⁶⁷ РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 69. Л. 121–123.
- ⁶⁸ ЦАМО. Ф. 2. Оп. 795437. Д. 11. Л. 443–446.
- ⁶⁹ Там же. Ф. 38. Оп. 80050. Д. 4. Л. 305.
- ⁷⁰ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 218. Л. 110–140.
- ⁷¹ ЦАМО. Ф. 38. Оп. 80050. Д. 3. Л. 63; Д. 2. Л. 13.
- ⁷² Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 892–893.
- ⁷³ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 3. Л. 154; Должность начальника артиллерии была упразднена приказом НКО № 0149 от 13 июля 1940 г., Управление начальника артиллерии преобразовано в Главное артиллерийское управление, начальником назначен Маршал Советского Союза Г. И. Кулик (РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 3314. Л. 143).
- ⁷⁴ РГВА. Ф. 4. Оп. 12. Д. 99. Л. 249.
- ⁷⁵ ЦАМО. Ф. 2. Оп. 795437. Д. 4. Л. 188–190.
- ⁷⁶ Краткая летопись создания и развития Главного ракетно-артиллерийского управления Министерства обороны 1577–2000 год. Исторический очерк. М., 2001. С. 107–109.
- ⁷⁷ РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 66. Л. 30–39.
- ⁷⁸ ЦАМО. Ф. 2. Оп. 795437. Д. 6. Л. 40.
- ⁷⁹ Там же. Д. 4. Л. 200–203.
- ⁸⁰ РГВА. Ф. 4. Оп. 12. Д. 106а. Л. 423.
- ⁸¹ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 111. Л. 169.
- ⁸² РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 75. Л. 36.

- ⁸³ Воронов Н. Н. На службе военной. М., 1963. С. 275.
- ⁸⁴ РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 70. Л. 596.
- ⁸⁵ Там же. Д. 71. Д. 90–91.
- ⁸⁶ Командные кадры советской артиллерии в Великой Отечественной войне. М., 1958. С. 158–160.
- ⁸⁷ ЦАМО. Ф. 2. Оп. 795437. Д. 7. Л. 167–168.
- ⁸⁸ РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 73. Л. 172.
- ⁸⁹ ЦАМО. Ф. 2. Оп. 795437. Д. 1. Л. 274–275.
- ⁹⁰ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 8. Л. 188–205.
- ⁹¹ РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 67. Л. 18.
- ⁹² Советские Вооруженные силы. История строительства. М., 1978. С. 283.
- ⁹³ Оружие победы. М., 1987. С. 184.
- ⁹⁴ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1 Д. 111. Л. 168.
- ⁹⁵ ЦАМО. Ф. 2. Оп. 795437. Д. 6. Л. 606.
- ⁹⁶ Там же. Д. 16. Л. 707.
- ⁹⁷ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 70. Л. 36; ЦАМО. Ф. 2. Оп. 795437. Д. 7. Л. 416.
- ⁹⁸ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 71. Л. 38–41; РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 73. Л. 377–379.
- ⁹⁹ Командные кадры советской артиллерии в Великой Отечественной войне. С. 157.
- ¹⁰⁰ РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 75. Л. 588–589.
- ¹⁰¹ Там же. Л. 249–250.
- ¹⁰² Советские Вооруженные силы СССР. М., 1968. С. 321.
- ¹⁰³ РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 3314. Л. 74.
- ¹⁰⁴ Там же. Оп. 15. Д. 26. Л. 9–10.
- ¹⁰⁵ Там же. Оп. 14. Д. 2431. Л. 161–202.
- ¹⁰⁶ Там же. Оп. 11. Д. 64. Л. 24–28.
- ¹⁰⁷ ЦАМО. Ф. 2. Оп. 795437. Д. 2. Л. 16.
- ¹⁰⁸ Воздушная мощь Родины. М., 1988. С. 149.
- ¹⁰⁹ Кожневников М. Н. Командование и штаб ВВС Советской армии в Великой Отечественной войне 1941–1945. М., 1985. С. 24.
- ¹¹⁰ Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5–1). М., 1996. С. 21.
- ¹¹¹ Советские Военно-воздушные силы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М., 1968. С. 37.
- ¹¹² Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. Т. 16 (5–1). С. 33–34.
- ¹¹³ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 6. Л. 10–14.
- ¹¹⁴ Органы руководства Вооруженными силами СССР. М., 1988. С. 106.
- ¹¹⁵ ЦАМО. Ф. 2. Оп. 795437. Д. 4. Л. 68–72.
- ¹¹⁶ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 21. Л. 30.
- ¹¹⁷ ЦАМО. Ф. 2. Оп. 795437. Д. 6. Л. 226–230.
- ¹¹⁸ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 29. Л. 49.
- ¹¹⁹ РГВА. Ф. 4. Оп. 12. Д. 104. Л. 106–107.
- ¹²⁰ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 32. Л. 99.
- ¹²¹ Там же. Д. 69. Л. 39.
- ¹²² Там же. Д. 97. Л. 158.
- ¹²³ Военная мысль. 1983. № 5. С. 39.
- ¹²⁴ Там же. С. 40.
- ¹²⁵ Военно-исторический журнал. 1969. № 11. С. 17.
- ¹²⁶ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 23. Л. 46–48.
- ¹²⁷ ЦАМО. Ф. 35. Оп. 11285. Д. 555. Л. 2–6.
- ¹²⁸ Воздушная мощь Родины. С. 204.
- ¹²⁹ ЦАМО. Ф. 35. Оп. 11285. Д. 526. Л. 4–6.
- ¹³⁰ РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 67. Л. 244–246.
- ¹³¹ Воздушная мощь Родины. С. 196.

- ¹³² Русский архив: Великая Отечественная. Приказы народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941–1942 г. Т. 13. (2–2). М., 1997. С. 396.
- ¹³³ ЦАМО. Ф. 2. Оп. 795437. Д. 11. Л. 47–48; РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 75. Л. 19–20.
- ¹³⁴ *Кожевников М. Н.* Указ. соч. С. 154.
- ¹³⁵ Боевой устав бомбардировочной авиации (БУБА-40). М., 1940. С. 8–9.
- ¹³⁶ РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 60. Л. 475.
- ¹³⁷ Там же. Оп. 15. Д. 28. Л. 387.
- ¹³⁸ Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. Т. 16 (5–1). С. 48.
- ¹³⁹ Советская авиация в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М., 1962. С. 62.
- ¹⁴⁰ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 23. Л. 80–82.
- ¹⁴¹ Органы руководства Вооруженными силами СССР. С. 107.
- ¹⁴² РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 23. Л. 80–82.
- ¹⁴³ Там же. Д. 112. Л. 129–130.
- ¹⁴⁴ *Кожевников М. Н.* Указ. соч. С. 115.
- ¹⁴⁵ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 343. Л. 5–12.
- ¹⁴⁶ 9 мая 1945 г. М., 1970. С. 288.
- ¹⁴⁷ Дальняя авиация: первые 90 лет. М., 2004. С. 166.
- ¹⁴⁸ РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 69. Л. 63.
- ¹⁴⁹ Там же. Д. 62. Л. 211–216.
- ¹⁵⁰ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 32. Л. 11.
- ¹⁵¹ Там же. Д. 34. Л. 107–110.
- ¹⁵² Там же. Д. 146. Л. 157.
- ¹⁵³ Там же. Д. 335. Л. 196.
- ¹⁵⁴ Там же. Д. 48. Л. 168–169; РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 68. Л. 105–108.
- ¹⁵⁵ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 125. Л. 102.
- ¹⁵⁶ История гражданской авиации СССР. М., 1983. С. 144.
- ¹⁵⁷ История военной стратегии России. М., 2000. С. 281.
- ¹⁵⁸ Русский архив: Великая Отечественная. Приказы народного комиссара обороны СССР. Т. 13 (2–1). С. 205–206.
- ¹⁵⁹ Там же. С. 256.
- ¹⁶⁰ РГВА. Ф. 4. Оп. 15. Д. 27. Л. 573.
- ¹⁶¹ Там же. Оп. 11. Д. 62. Л. 68–73.
- ¹⁶² *Светлишин Н. А.* Войска ПВО страны в Великой Отечественной войне. М., 1979. С. 17.
- ¹⁶³ 1941 год — уроки и выводы. М., 1992. С. 40–41.
- ¹⁶⁴ *Воронов Н. Н.* На службе военной. М., 1968. С. 175.
- ¹⁶⁵ Войска противовоздушной обороны страны. Исторический очерк. М., 1968. С. 67–68.
- ¹⁶⁶ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 1. 262–263.
- ¹⁶⁷ Там же. Д. 4. Л. 6.
- ¹⁶⁸ Там же. Д. 14. Л. 12–17.
- ¹⁶⁹ ЦАМО. Ф. 2. Оп. 795437. Д. 1. Л. 366–370.
- ¹⁷⁰ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 27. Л. 1–2, 7.
- ¹⁷¹ ЦАМО. Ф. 2. Оп. 795437. Д. 7. Л. 161–163.
- ¹⁷² РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 129. Л. 70–73.
- ¹⁷³ Войска противовоздушной обороны страны. Исторический очерк. С. 201.
- ¹⁷⁴ См.: Советские Вооруженные силы. История строительства. С. 326; Военное искусство во Второй мировой войне (Стратегия и оперативное искусство). М., 1973. С. 500; *Горьков Ю. А.* Государственный Комитет Обороны постановляет (1941–1945). Цифры. Документы. М., 2002. С. 136.
- ¹⁷⁵ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 222. Л. 125–130; Войска противовоздушной обороны страны. Исторический очерк. С. 274.
- ¹⁷⁶ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 345. Л. 122–124; Советские Вооруженные силы. История строительства. С. 351.
- ¹⁷⁷ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 380. Л. 101–106.

- ¹⁷⁸ Двухсотлетие Военного министерства. 1802–2002 гг. Очерки истории Военного министерства. М., 2002. С. 472.
- ¹⁷⁹ РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 3313. Л. 84.
- ¹⁸⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 32. Л. 121–122.
- ¹⁸¹ РГВА. Ф. 4. Оп. 15. Д. 26. Л. 8–8 об.
- ¹⁸² Там же. Оп. 11. Д. 64. Л. 24–28.
- ¹⁸³ Там же. Л. 92–94.
- ¹⁸⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 32. Л. 121–122.
- ¹⁸⁵ ЦАМО. Ф. 69. Оп. 12112. Д. 47. Л. 32.
- ¹⁸⁶ Там же. Д. 72. Л. 98–99.
- ¹⁸⁷ ЦАМО. Ф. 56. Оп. 12214. Д. 480. Л. 4–5.
- ¹⁸⁸ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 12. Л. 118–121.
- ¹⁸⁹ Там же. Л. 113.
- ¹⁹⁰ РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 66. Л. 30–32.
- ¹⁹¹ Там же. Л. 263–266.
- ¹⁹² Инженерные войска Советской армии 1918–1945. М., 1985. С. 270.
- ¹⁹³ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 31. Л. 1.
- ¹⁹⁴ РГВА. Ф. 4. Оп. 12. Д. 104. Л. 188.
- ¹⁹⁵ Инженерные войска Советской армии 1918–1945. С. 271.
- ¹⁹⁶ Двухсотлетие Военного министерства. 1802–2002. Очерки Военного министерства. М., 2005. С. 444.
- ¹⁹⁷ Инженерные войска Советской армии 1918–1945. С. 276–277.
- ¹⁹⁸ Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 898–899.
- ¹⁹⁹ ЦАМО. Ф. 71. Оп. 12169. Д. 316. Л. 1–45.
- ²⁰⁰ РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 64. Л. 24–28.
- ²⁰¹ Там же. Д. 2431. Л. 161–202.
- ²⁰² ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2017. Д. 9. Л. 4.
- ²⁰³ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 4. Л. 17–18; Военные связисты в дни войны и мира. М., 1968. С. 140.
- ²⁰⁴ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 4. Л. 243–244.
- ²⁰⁵ ЦАМО. Ф. 2. Оп. 795437. Д. 3. Л. 387; РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 65. Л. 194–195.
- ²⁰⁶ ЦАМО. Ф. 2. Оп. 795437. Д. 3. Л. 388; РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 65. Л. 194.
- ²⁰⁷ *Пересыткин И. Т.* Связь в Великой Отечественной войне. М., 1973. С. 38.
- ²⁰⁸ ЦАМО. Ф. 2. Оп. 795437. Д. 6. Л. 407.
- ²⁰⁹ Там же. Ф. 71. Оп. 12169. Д. 1402. Л. 11–16.
- ²¹⁰ Маршал А. М. Василевский — стратег, полководец, человек. М., 2000. С. 120.
- ²¹¹ ЦАМО. Ф. 71. Оп. 12169. Д. 162. Л. 496.
- ²¹² РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 1. Л. 202–203.
- ²¹³ ЦАМО. Ф. 71. Оп. 12179. Д. 1102. Л. 332.
- ²¹⁴ *Пересыткин И. Т.* Указ. соч. С. 73.
- ²¹⁵ ЦАМО. Ф. 71. Оп. 12169. Д. 341. Л. 196.
- ²¹⁶ *Хохлов В.* От шахтера до наркома и маршала. М., 2010. С. 661, 671.
- ²¹⁷ Военные связисты в дни войны и мира. С. 141.
- ²¹⁸ *Пересыткин И. Т.* Указ. соч. С. 85–86.
- ²¹⁹ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 85. Л. 46–49.
- ²²⁰ ЦАМО. Ф. 71. Оп. 12171. Д. 241. Л. 49.
- ²²¹ Там же. Оп. 12178. Д. 146. Л. 1.
- ²²² Там же. Оп. 12169. Д. 48. Л. 61–66.
- ²²³ РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 64. Л. 24–28.
- ²²⁴ Там же. Л. 24–26.
- ²²⁵ *Вещиков П. И.* От военного хозяйства армии и флота к тылу Вооруженных сил России (XVIII–XX вв.). М., 2011. С. 258.
- ²²⁶ ЦАМО. Ф. 15а. Оп. 1849. Д. 1. Л. 105.

- ²²⁷ Там же. Ф. 208. Оп. 14703. Д. 1. Л. 141–143.
- ²²⁸ Там же. Ф. 10. Оп. 295. Д. 1. Л. 241.
- ²²⁹ Тыл Вооруженных сил. 1991. № 9. С. 25.
- ²³⁰ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 4. Л. 243–244.
- ²³¹ РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 65. Л. 218–224.
- ²³² ЦАМО. Ф. 2. Оп. 795437. Д. 3. Л. 544.
- ²³³ Военно-исторический журнал. 1961. № 6. С. 70.
- ²³⁴ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 125. Л. 45–50.
- ²³⁵ ЦАМО. Ф. 2. Оп. 795437. Д. 10. Л. 264–267.
- ²³⁶ РГАСПИ. Ф. 664. Оп. 1. Д. 9. Л. 50–51.
- ²³⁷ Там же. Л. 53–60.
- ²³⁸ Там же. Д. 20. Л. 90–102.
- ²³⁹ РГВА. Ф. 4. Оп. 12. Д. 104. Л. 90.
- ²⁴⁰ Военно-исторический журнал. 1974. № 11. С. 39.
- ²⁴¹ РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 76. Л. 70–75.
- ²⁴² РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 163. Л. 10–11.
- ²⁴³ 3 июля 1941 г. Н. И. Трубецкой был арестован, обвинен в измене Родине, умышленной дезорганизации воинских перевозок и участии в антисоветском заговоре, в феврале 1942 г. осужден и расстрелян. Реабилитирован в 1955 г.
- ²⁴⁴ РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 75. Л. 342–343.
- ²⁴⁵ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 3. Л. 35–36.
- ²⁴⁶ РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 65. Л. 218–224.
- ²⁴⁷ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 34. Л. 9–11.
- ²⁴⁸ Там же. Д. 125. Л. 45–50.
- ²⁴⁹ Там же. Д. 70. Л. 34–35.
- ²⁵⁰ РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 69. Л. 562–564.
- ²⁵¹ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 100. Л. 161–168.
- ²⁵² ЦАМО. Ф. 2. Оп. 795437. Д. 12. Л. 208–211.
- ²⁵³ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 372. Л. 173–174.
- ²⁵⁴ РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 79. Л. 103–110.
- ²⁵⁵ Тыл Советских Вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М., 1977. С. 484–500.
- ²⁵⁶ Тыл Советской армии. М., 1968. С. 274.
- ²⁵⁷ ЦАМО. Ф. 16. Оп. 498138. Д. 2. Л. 6; Оп. 132054. Д. 18. Л. 1.
- ²⁵⁸ *Вещиков П. И.* Указ. соч. С. 322.
- ²⁵⁹ Положение о Народном комиссариате Военно-морского флота Союза ССР. М., 1938. С. 3.
- ²⁶⁰ ЦВМА. Ф. 2. Оп. 103. Д. 1. Л. 21.
- ²⁶¹ *Цветков И. Ф.* Организационно-мобилизационные органы и организационные структуры ВМФ России (1695–1945). СПб., 2000. С. 376–384.
- ²⁶² Главный штаб ВМФ: история и современность. 1696–1997. М., 1998. С. 91.
- ²⁶³ РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 2431. Л. 161–202.
- ²⁶⁴ Адмирал Кузнецов: Москва в жизни и судьбе флотоводца. Сб. документов и материалов. М., 2000. С. 162.
- ²⁶⁵ Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 103.
- ²⁶⁶ *Цветков И. Ф.* Указ. соч. С. 410; Главный штаб ВМФ: история и современность. 1696–1997. С. 92.
- ²⁶⁷ ЦАМО. Ф. 16а. Оп. 2951. Д. 235. Л. 77–78; 1941 год — уроки и выводы. С. 65.
- ²⁶⁸ Вице-адмирал В. Ф. Трибуц — командующий Балтийским флотом, генерал-полковник Ф. И. Кузнецов — командующий Прибалтийским военным округом.
- ²⁶⁹ Адмирал Кузнецов: Москва в жизни и судьбе флотоводца. Сб. документов и материалов. С. 162–163.
- ²⁷⁰ Там же. С. 432–433.
- ²⁷¹ Там же.

- ²⁷² Там же.
- ²⁷³ Военно-морской флот Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Изд. 2-е, испр. и доп. Т. II. СПб., 2005. С. 28.
- ²⁷⁴ Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5–1). С. 20.
- ²⁷⁵ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–1 об.
- ²⁷⁶ ЦАМО. Ф. 48а. Оп. 3408. Д. 15. Л. 192; Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16. (5–1). С. 53.
- ²⁷⁷ ЦАМО. Ф. 48а. Оп. 3408. Д. 4. Л. 32.
- ²⁷⁸ Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5–1). С. 53.
- ²⁷⁹ Адмирал Кузнецов: Москва в жизни и судьбе флотоводца. Сборник документов и материалов. С. 163.
- ²⁸⁰ Главный штаб ВМФ: история и современность. 1696–1997. С. 101.
- ²⁸¹ Там же. С. 95.
- ²⁸² ЦВМА. Ф. 2. Д. 36724. Л. 7–9.
- ²⁸³ Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. Т. 16 (5–4). М., 1999. С. 65.
- ²⁸⁴ ЦВМА. Ф. 79. Д. 39800. Л. 145–148.
- ²⁸⁵ *Цветков И. Ф.* Указ. соч. С. 424.
- ²⁸⁶ Там же.
- ²⁸⁷ ЦВМА. Ф. 216. Д. 12488. Л. 10; Д. 12489. Л. 4, 505; Д. 12490. Л. 275–276; Д. 12491. Л. 106, 317; Д. 12492. Л. 390; Д. 12620. Л. 260; Д. 12633. Л. 298–299; Д. 12633. Л. 298–299; Д. 12635. Л. 162–163; Ф. 79. Д. 39794. Л. 77–80; Д. 39811. Л. 142–155.
- ²⁸⁸ Там же. Ф. 79. Д. 39794. Л. 77–80; Д. 39796. Л. 45–46; Д. 39806; Л. 130–134; Д. 39807. Л. 26–32, 392–398; Д. 39808. Л. 77–82; Д. 39811. Л. 45–49; Д. 39824. Л. 230–235.
- ²⁸⁹ Там же. Ф. 216. Д. 12487. Л. 453, 458–460, 509, 522, 524.
- ²⁹⁰ Там же. Д. 12623. Л. 216; Д. 12624. Л. 169, 446; Д. 12634. Л. 123; Д. 12652. Л. 156; Д. 12753. Л. 178.
- ²⁹¹ ЦВМА. Д. 12490. Л. 545; Д. 12491. Л. 313, 479; Д. 12492. Л. 118, 322; Д. 12494. Л. 346, 447–448; Д. 12495. Л. 526–527; Д. 12498. Л. 237; Д. 12505. Л. 262; Д. 12516. Л. 23; и др.
- ²⁹² Там же. Д. 12489. Л. 134; Д. 12490. Л. 291; Д. 12493. Л. 317; Д. 12516. Л. 396–397; Д. 12621. Л. 191; Д. 12623. Л. 162, 327; Д. 12637. Л. 415; Д. 12638. Л. 42, 369, 435; Д. 12641. Л. 145; Д. 12750. Л. 22; Д. 12763. Л. 328; Д. 12770. Л. 121.
- ²⁹³ Там же. Ф. 79. Д. 39809. Л. 250–256.
- ²⁹⁴ Там же. Д. 39803. Л. 3–7; Ф. 216. Д. 12752. Л. 12; Д. 12892. Л. 130–131; Д. 12904. Л. 301.
- ²⁹⁵ Там же. Ф. 79. Д. 38781. Л. 163–165.
- ²⁹⁶ Там же. Ф. 11. Д. 35505. Л. 237–247.
- ²⁹⁷ Главный штаб ВМФ: история и современность. 1696–1997. С. 98.